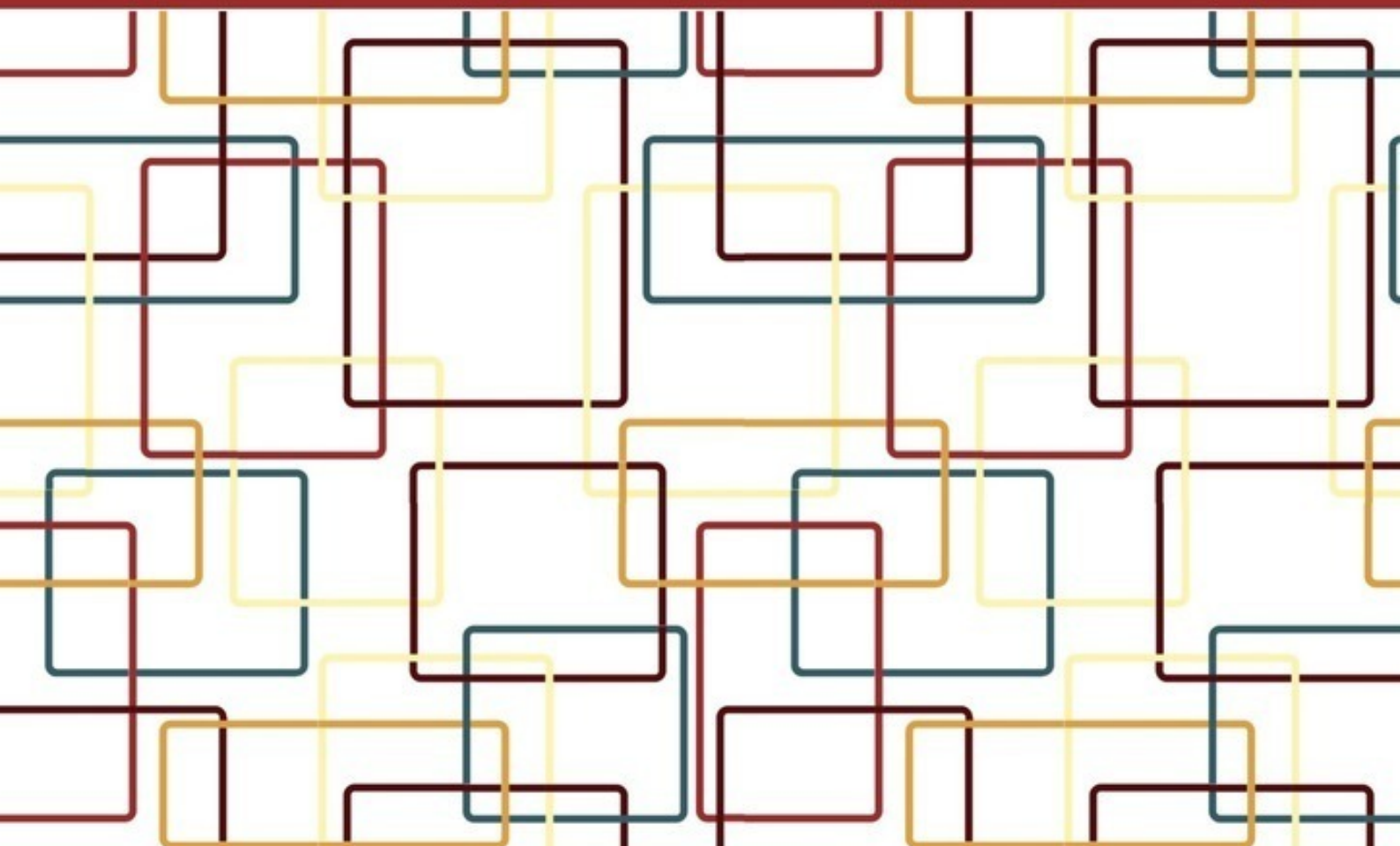

Газинур Дюсимбиев

Движущиеся подземелья

Интеллектуальные рассказы

Газинур Дюсимбиев

**Движущиеся подземелья.
Интеллектуальные рассказы**

«Издательские решения»

Дюсимбиев Г. Х.

Движущиеся подземелья. Интеллектуальные рассказы /
Г. Х. Дюсимбиев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939280-0

Рецензия. Рок-живописец: «Очень оригинально получается. Я в восхищении. Но ты сознательный абсурдист или стихийный?!» Рецензия на «Библиотека»: «В первую очередь меня привлекло название — обожаю книги. А еще — так хорошо отражено отношение людей о так ими называемых „мелочах“. Им просто лень познавать такие маленькие, милые, интересные вещи, а они иногда так важны, эти „мелочи“... Клементина Ширшова

ISBN 978-5-44-939280-0

© Дюсимбиев Г. Х.
© Издательские решения

Содержание

Перл-харбор	6
Скотовод	7
Архангел Джабраил	10
Сад расходящихся тропок	11
Семь самураев	14
Слово	16
Лужа	17
Детство	19
Мастер	20
Рыбная ловля	21
Разрушение древности	23
Поездка	24
Ускоритель	25
Кентавр	26
Отступление	28
Караул	30
Суд смерти	32
Вина	37
Старик и собака	39
Отвращение	41
Крот	43
На страже	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Движущиеся подземелья Интеллектуальные рассказы

Газинур Хузаирович Дюсимбиев

© Газинур Хузаирович Дюсимбиев, 2018

ISBN 978-5-4493-9280-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перл-харбор

Восемь сторон света-это всеобъемлющая вселенная. Флот американцев, защищающий половину земного шара, стоящий на рейде. Перл-Харбор был построен в форме гектограмм. Очевидцы говорят, что количество кораблей было бесконечно. Никто не считал их количество. Но, если приглядеться, оно занимало площадь гавани Перл-Харбор и было бесконечно. Моряки, сходящие на берег на увеселения, по возвращении, то ли от выпитого, то ли от общения с женщинами заблуждались в лабиринте кораблей. Они долго искали свой корабль. Но, потеряв надежду, оседали в судах, где были вакантные места. Между тем как бы ни было бесконечно количество кораблей, оно имело свою конечность. Но это мы можем предположить. Так как

предполагают ученые, что количество вещества во вселенной равно десяти восемьдесят первой степени, никто не верит, что бесконечность можно сосчитать, но предположить, что количество кораблей конечно и, значит, по уходу матросов освобождается вакантное место и что матрос может найти это место, - вполне возможно. Иногда моряки погибали в потасовках в береговых барах и кафе. Это освобождало значительное количество вакантных мест. Америка посылала новых матросов, и они снова исчезали в темных фигурах кораблей лабиринта. Накануне нападения на Перл-Харбор японцы создали воздушную армию. Очевидцы краха американского флота утверждают, что и количество самолетов, участвовавших в налете, было бесконечно. Может, это утверждение неподготовленных к нападению матросов, которые хотят скрыть свою бездейственность и бессилие. Кроме того самолеты делали несколько заходов. Может быть, это связано с тем, что до второй мировой войны американцы воспринимали японцев не иначе, как поваров. И воинственность вторых застала их врасплох. Но то, что количество самолетов было огромно, не поддается сомнению. Значит, армада была другой бесконечностью и другой вселенной. Налагаясь друг на друга, они противоречили идее единности вселенной. Если вселенную принять за единицу, то отняв еще одну, мы получаем ноль. Но и это утверждение не соответствует действительности. Корабли и самолеты ушли под воду. Тут мы подходим к устройству Дантовско-го ада и теорий закона сохранения энергии. никто не знает порядок подводного захоронения. Здесь мы можем только догадываться, возможно даже верить утверждению поэта. Но видеть и объять сознанием любую из вселенной нам непосильно. Говорят, один из адмиралов – то ли командующий кораблями Америки – в конце жизни постиг за мгновение до смерти весь объем построения кораблей или количество самолетов в армаде. Но, может быть, это был японский шпион, снимавший флот своим фотоаппаратом.

Скотовод

То, что я богатый скотовод, известно всей округе. Мои стада коров и быков бродят по бесчисленным чекам, каналам, лесам и лугам. Возможно, я не стал бы так богат, если бы не это переселение. Людей переселили из-за вредности газового завода. Раньше скоту негде было пастись, было много людей, держащих скот. Скот выедал пастбища. Теперь нет ни людей, ни дворов. Остались лишь фундаменты от домов, погреба, сады плодовых деревьев и глубокие колодцы для воды, кучи мусора с консервными банками, блестящими на солнце, и ржавым металлом. Мой скот тучнеет изо дня в день. Я не знаю точного количества скота. Но знаю, что его безмерно много. Иногда я бегаю по полям, чтоб поправить свое здоровье, и натываюсь на неизвестные стада коров. Я знаю, что они мои, но скот плодится очень быстро, и я не узнаю свой скот. Здесь нет волков и нет воров, и ничего не мешает прогрессивному росту количества. Мне говорят, что лучше я устроился бы на завод и зарабатывал большие деньги. Но зачем мне работать, если деньги мне приносит мой беспризорный скот. Говорят, что выберут нового председателя, и он вспашет брошенные земли, и мой скот выродится. Но это утверждение не имеет под собой почву. Земли давно поросли дикими деревьями, чтоб их выкорчевать, потребуются колоссальные деньги. Их нет у колхоза, так что еще долго бродить по этим чащобам моим диким стадам. Нет, я бы переселился в город: мои стада дики и не требуют ухода, но тогда мои стада потеряют вид на жительство и станут вне закона. А пока они на своей родине. Они даже не знают, что принадлежат мне. Они едят траву, изучают местный ландшафт, пробивают себе дорогу под деревьями, образуя лабиринты дорог, непроходимых для человека. Я ловлю их, когда они выходят на открытые места. Мне говорят, что могут возникнуть воры. Они могут потихоньку обворовывать меня, так что я не замечу. Я вполне соглашусь, что заметить пропажу одного или нескольких десятков скота для меня непосильно. Но разве человек, своровав одного, остановится, он разрежит стада, что станет заметно. Да и то, что попавшись, ему придется платить за все украденное. Есть скептики, которые утверждают, что я не так богат, или, если я богат, то можно меня ограбить; но можно ли ограбить меня, если мое имущество доступно всем, чтоб украсть мой скот не нужно сталкиваться со мной. Это спасает мою жизнь. Иногда я не замечаю пропажу: стада так бесчисленны, что падеж-утопленные, заболевшие коровы-для меня незаметны. Иногда пройдя по окрестностям я вижу, как грузят мой скот. Мне бывает немного обидно, но я не рискую приближаться, чтоб увидеть номер машины. Я просто говорю хранителям закона, что воруют и плачу. Это их работа, они и воры уравнивают работы друг друга. Ничто еще не придумано человечеством, что могло бы быть эффективно. Они иногда убивают друг друга, они имеют право это делать. Странно то, что, зная все свои повадки, у них нет желания что-либо менять. Я плачу хранителям закона, и они включают в свое поле деятельности мои стада. Хранители утверждают, что стада подвижны и охрана их неэффективна и трудоемка. Но я плачу деньги, и гибнут хранители, их смерть вызывает профессиональную месть, и тогда они забывают о неэффективности. Гибнут воры. Воры начинают думать, что на моих стадах лежит проклятие. Они хотят внушить эту мысль мне, просят уничтожить скот. Но я не могу им помочь, возможно, быть богатым ввелось в мою кровь, и мне трудно отказаться от этого. Но чаще это лень, эта лень мне когда-то мешала отказаться от бедности. Мне трудно было заставить себя делать попытки разбогатеть. В моем нынешнем процветании, если это можно назвать так, виновна моя лень. Жители собирали документы, ходили в совет, плакали, рыдали, волочили ноги, заползали туда ползком, ходили на руках, утверждая, что ноги покалечены, ползали на спине, утверждая, что ползать на животе не могут, так как кишки оголены. У них действительно оголены кишки. Они помогают руками своему пищеварению. Получил распространение такой способ оздоровления, его назвали переселенческим. Один житель стал народным врачом, к нему приезжали со всего мира, он лечил этим мето-

дом. Повсюду стояли палатки. Утром выстраивались очереди, люди уходили со вспоротыми животами. Некоторые утверждали, что этот способ помогает от ожирения, курения, алкоголизма, наркомании, снимает стресс, лечит импотенцию. Но врач уехал за границу, теперь он лечит там. Мне было лень пойти в совет. Я не собирал документы, хотя льготы имел. Мой отец воевал в самой большой войне страны. Он приехал к матери на заре, и мать сказала, почему сквозь тебя видно солнце. отец сказал, должно быть много стреляли. Его раны затянулись, он породил меня и моих братьев. Мой дом стар, и в документах, которые хранятся в совете, срок строительства исчисляется до рождения Адама и Евы. Каркас дома сгнил, но доски, обшитые в те времена, добротны и они держат дом. На стене есть масляное пятно. Оно утверждает предание бросания бутылки подсолнечного масла, которую бросил Адам на Еву после вкушения змеиного яблока. Говорят, что дом строили Адам и Ева после изгнания из рая. Тогда еще не пользовались для утепления камышом. Это придумал Хрушев, это было после; Адам и Ева использовали коноплю и от этого дом получился холодным. Есть утверждение, что после рождения детей Адам зарубил Еву топором в пьяном угаре. Но другие утверждают, что он застрелил из ружья. Третьи утверждают, что они уехали, продав дом Рахиль. Мой отец купил его у Рахиль в те времена, когда она не подкладывала под своего мужа наложниц и могла рожать сама. Древний старый ветхий дом и самая большая война, в которой участвовал мой отец. Лишь одной льготы было бы достаточно, чтоб я получил квартиру. Но я ленился переезжать. Моя корова исчезла в чаще дикой облепихи, и оттуда начали появляться стада. Старая корова появлялась возле дома, я кормил ее яблоками. Ее утроба работала денно и нощно, подходя за яблоками. Везде лежали новорожденные телята. Они вываливались, когда она ела яблоки. Она не обращала на них внимания. Телята образовали за ней след. Они обсыхали, поднимались и принимались есть. Вначале мать пыталась выхаживать телят, но вскоре перестала этим заниматься. Телят становилось больше, даже если не все выживали. Зимой я резал мой скот, дом превращался в склад коровьих туш. Люди приходили, рубили мясо с замороженных туш. Я разжигал на полу костер и варил мясо в большом котле и угощал своих клиентов. Они покупали мясо и бросали деньги в угол. Они ходили, поднимали туши, выбирали подходящие туши, куски мяса. К концу дня я сметал деньги и забивал ими мешки. Иногда забредали скупщики рыбы. Они говорили, что когда-то давно покупали здесь красную рыбу и черную икру. Я пожимал плечами и водил в подземные галереи. Показывал старые, брошенные жителями села подводные лодки для проверки снастей и сеток, бухты ржавых тросов, по которым двигались эти лодки, истлевшие сети, ржавые брошенные мотоциклы, на которых рыбаки носились по подземному лабиринту. Скупщики рыбы уезжали. Их не интересовало мясо. Они говорили, почему они уехали-ведь рыба стоит дорого. Я пожимал плечами. Иногда приезжали циркачи, они раньше давали представления. Я помню их с детства. они давно научили меня глотать мечи. Я научился глотать семиметровые мечи. Нужно было только хорошо расслабиться и меч уходил в полость. Циркачи могли глотать одиннадцати-, четырнадцатиметровые мечи. Но это меня не удивляло. Я знал, что при известной тренировке смогу достичь их уровня. Но я давно не тренируюсь. Да и сейчас при стянутости внутренностей я смог бы без тренировки проглотить четырехметровый меч. я кормил циркачей мясом. Я давал им мяса, сколько они могли унести. Но это их не радовало, они хотели дать представление, жалели о зрителях. В нашей деревне, говорили они, были лучшие зрители. Они говорили правду. Я сам был их зрителем. Мы выходили на улицу, заворачивались в простыни, одеяла, чтоб не кусали комары. Циркачи заводили переносную электростанцию, устанавливали прожекторы. Мы смотрели на них. Они и мы были на освещенной части пространства. Вокруг была темнота, наполненная кваканьем лягушек, стрекотанием кузнечиков и сверчков. Но это была темнота. Бесконечное пространство, темнота неизвестных земель необитаемых. Говорят наши предки пришли оттуда, с необитаемых безжизненных земель. Они пришли как взрыв первородной звезды, они были хаосом. Может ли быть стабильность у хаоса. Хаос расширяющийся, возможно, имел лишь один ста-

бильный параметр-это скорость расширения. Возможно, скорость даже не была постоянной, пульсирующей, сейчас об этом никто не знает. Предки были концом света для света стоячего, оседлого, но сами несли разрушение. Мужчины и женщины прошлись разом, совокупляясь с побежденными. Рождались новые солдаты, это был взрыв генов. Они сталкивались с оседлой силой, чтоб уничтожить часть людей и побудить к взрывной силе размножения. Мужчины и женщины трудились, чтоб принести бесконтрольное ничем, ни пищей, ни моральными, ни этическими, объяснимыми нормами, размножение. Теперь движение прекратилось. Хаос прекратил быть хаосом. Размножение остановилось. Оно определяется способностью прокормить. Переселение-это жалкая попытка возродить былой хаос. Эти земли имеют дорогой ядовитый газ. В той части темноты был построен завод. Он осветил часть пространства. Но это было ненадолго. Хотя и теперь горит свет, но его стало меньше. Говорят, завод заброшен, а в оставшейся части бродят одичавшие пожарники. Они опасны для людей. Их иногда приезжают смотреть туристы..Завод огорожен. Смотреть разрешается лишь из-за бронированного стекла. От села, которое стояло на Бузане, до села, которое стоит на Ахтубе, четыре километра, за ним начинаются барханы. За этими барханами виднеются купола дворцов. Они построены джинами из кувшинов, которые вылавливали из Ахтубы мои сверстники-школьники. Эти дворцы изрядно обветшали. Они неотапливаемы и оттого не могут служить жильем. Дорогой мрамор, гранит, которым он отделан, никого не интересует. В те времена, поняв бесполезность дворцов, в них устроили туалет, заходя куда приходилось долго перепрыгивать через испражнения, чтоб потом оставить свои. Летом от жары запах испражнений менял свой оттенок, прибавляя к своей гамме запах гнилых абрикосов. Сейчас в холодное заброшенное время можно было только увидеть в одном из залов возле белого кирпича засохшее рассыпающееся испражнение полугодовалой давности проступающей кожурой красного помидора. Скоро ветер и его сдует. Хотя испражнение и не эстетично, но в этом холоде и оно несет частицу человеческого тепла. Хотя оно достаточно разложилось, чтоб знать, как это было давно. Если идти дальше по барханам километров двадцать пять, то можно набрести на село Лапас. В том селе давно никто не живет, они давным давно откопали статую великого предка и его сокровища. Вернее пески раздвинулись и стали прозрачными и открыли сокровища. Жители того села, накупив тракторов, гонялись, играли на них. В конце концов пески снова закрылись, и селяне покинули родные места. Лишь один, говорят, бродит в тех местах, дожидаясь возвращения сына. Я с ним солидарен. Хотя мое богатство не золото, а мои коровы. Я не жду сына, хожу потому, что ничего не хочу менять..

Архангел Джабраил

В это утро Мустафа не выходил из дома. Его пугала гроза, длившаяся уже почти полдня. Работы у него не было. Он посмотрел на тощую корову, жующую прошлогоднюю солому. Подумал, что у его скотины дела не лучше, чем у него самого. Можно было пойти ночью на ферму, притащить немного сена. Мустафа махнул рукой: корова молодая, авось и не сдохнет. Вдруг он увидел старика в белом одеянии, ползущего по грязи к навесу. Мустафа сразу узнал в нем архангела Джабраила. Старик был жалок, он весь промок и дрожал. Мустафа взял этого тысячетлетнего старца на руки и занес домой, положил на тахту возле горячей печки. Джабраил покрхтывал, грея кости. О том, что у Мустафы появился ангел, стало известно всему селу. Богатые соседи предлагали свои услуги, чтоб вернуть его на небо за их счет. Но Мустафа подумав, что это дело чести, не соглашался. Как стихла гроза, он пошел и продал свою корову. Когда вернулся домой, никак не мог пробиться к двери: толпа паломников обступала его дом. Каждый из них мучил молчаливого, разучившегося говорить старика своими проблемами. Старик лишь испуганно тарачил на них глаза. Ему предлагали взятку, чтоб он вымолвил за них наверху слово. В конце концов Джабраил заснул. Начали было его тормошить, но поспел Мустафа, он выпроводил гостей. «В конце концов, что он может, -думал Мустафа, -стареющий рассыльный Аллаха?» Мустафа произнес с почтением: «Ля иляха илля Ллаху. «Нет ведь Бога кроме Аллаха!» А этот трудяга такой же, как и я. Зачем его люди беспокоят? Какое же он получил поручение? Может, Шайтан этот, тоже состарившийся в этом ветхом небе, сделал маленькую пакость, столкнув бывшего могущественного небесного воина?» «В принципе, -он думал, глядя на Джабраила, -Джабраил не держит зла за эту шалость Шайтану. Они устали играть эту бесконечную войну, они уже состарились. Тысячелетняя вражда выработала у них привязанность, а усталость еще больше усиливала эту привязанность.» «В конце концов я лишь выполнял свои обязанности,» -говорит безразличное лицо старца. ...Сейчас на небе, может, ходит Шайтан, очень сожалея о своей прихоти, из-за которого надолго лишился общества своего стареющего противника и приятеля. Быть может, он, глядя на земную бездну, думает о своей ненужности и одиночестве. Словно вихрь прошла буйная жизнь, в которой все страсти и ненависти были достоянием их двоих. И, потеряв объекта своей ненависти, он вдруг понял, что они никого не интересуют. Шайтан понял, что Джабраил ему необходим, он очень глубоко сожалел о своей победе. Быть может, Шайтан посылает на землю письма в надежде, что их найдет Джабраил. А в письмах лишь несколько слов: «Мы нужны друг другу. Скорей возвращайся в это ветхое небо. Я не могу жить без тебя.» «А, найдя их, Джабраил будет озираться, ища корреспондента. Тогда в его памяти всплывет то, что их господин давно не пользуется услугами. Поймет, что весь мир его замкнулся в этом отвергнутом ангеле. Таким же жалком, как и он сам. Он, может, поймет, как он хочет видеть своего врага. Ведь он единственный помнит его молодость, доблесть, он еще с ним может сохранить видимость жизни. И тогда он взглянет на небо и увидит за облаком прячущегося, немощного, с дрожащими ногами, как и он сам старца, испуганно ожидающего, с глазами, полными ожидания и мольбы о бесконечной привязанности и тоски... Думая так, Мустафа смотрел в лицо старцу. Он ожидал, что в уголках глаз Джабраила покажутся слезы. Но слез не было. Спящее лицо по-прежнему выглядело усталым. Мустафа погасил свет и вышел на улицу. Небо было чистым и прозрачным, усыпанным бесконечными звездами. Мустафе дышалось легко. Надо будет посадить картошку, картошка должна хорошо уродиться. Утром он отвез старика в аэропорт и дал летчику «на лапу», чтоб он занес старика на небо. Он немного пожалел корову, она была чем-то похожей на него. Но вскоре он нашел работу и женился, и зажил зажиточно. Только иногда он останавливался и, глядя на небо, задумывался, как он там без его помощи.

Сад расходящихся тропок

Подобно одному из китайских императоров, который как ни был даровит в государственном управлении, но все ж отдалился от дел, чтоб создать гигантский, бесконечный рассказ, называемый «Садом расходящихся тропок», хотя мои литературные способности и притязания более скромны, но я позаимствую у него это желание унифицировать один рассказ в бесконечность. Мой хаос будет представлять всего два варианта одного события. Вариант 1. Некий Кронов, среднестатистический житель будущего, уже успевший состариться, проживал в густонаселенном городке. У него помимо всех увлечений, привязанностей и привычек была неразрешенная юношеская мечта. Как житель огромного города, где всегда легко разбогатеть, он обрел некоторую, едва заметную уверенность, что удача к нему более благосклонна. Хотя он уже состарился, обрюзг, но он лелеял надежду, что изменился в лучшую сторону. В юности, когда Кронов был еще молод и любил одну девушку в своем поселке, ему пришлось уступить ее удачливому сопернику. И теперь этот эпизод с годами не стирался из памяти, а прокручивался каждый раз все отчетливее, ему казалось, что это видение все более детализировалось, нанося все более сильное страдание Кронову. Тогда, в ранней юности, он хотел убежать, бросил родную деревню, в надежде забыть женился, заимел детей, построил огромный дом, сколотил состояние, дающее право называться богачом, он думал, что то поражение оставит его в покое. Кронов даже пытался убить это страдание, овладев своей мечтой сейчас. Вернулся в деревню, увидел своих сельчан, без труда нашел ту девушку. Девушка была уже вдовой, едва передвигающейся на толстых ногах. Овладеть ею ему не составило труда, но и это не принесло ему облегчения. Пытался ее убить, но потом он понял, что это ничего не даст, а лишь окажется за решеткой и даже не за решеткой, скорее всего дети позаботятся об имени своей семьи и поместят его в психиатрическую больницу. Страдание, доставляемое этим эпизодом, все раскручивалось, и Кронов подумывал-не кончить ли с этим с помощью оружия. Но на это не хватало духа, он слишком любил себя, чтоб легко так расстаться с жизнью. Однажды он прочитал объявление в газете, в которой привык рыться по деловой привычке, что создана машина времени и желающие могут воспользоваться ею за деньги. Желающих совсем не было, изобретатель уже собирался ее разобрать и кинуть на чердак. И тогда у него появился Кронов. Изобретатель обомлел: первый богач мог кинуть любую сумму для себя незначительную, но для него являющуюся целым состоянием. Кронов выписав деньги, отправился в свою молодость. Вначале он чувствовал себя неуютно, будучи старым человеком в своей деревне. Он так был похож на своего отца, что его было приняли за дядю Кронова, которого не существовало. Он отправился в трактир, выпил вина, разглядывая сельчан, он знал каждого из них. Потом вышел на улицу и увидел идущего парня, в нем он узнал себя. В принципе он был красив, но была какая-то робость. Проходя рядом с ним, он поздоровался, тот смутился от его пристального взгляда. Кронов подумал, как ему помочь. У него не было четкого плана, он думал, что ринется в пространство, где сближались его девушка и его соперник. Девушка сначала забавлялась этим старичком, ей нравилось, что деньги сыпались к ее ногам с интенсивностью дождя. Потом она вдруг начала ощущать, что помимо этого старичка существует еще другой человек, богатый внутренним миром, переживаниями. Этот старик с легкостью воплощал любой художественный образ. И этот образ был текуч в отличие от образов кино и книг. Этот вечный герой открывал новый мир и легко с ним расставался, создавая новые непостижимые перевоплощения. Иногда ее охватывала тоска, что этот старичок умрет и будет принадлежать не ей, а смерти, и развлекать и служить ей, она ревновала его к смерти. Его внешний облик, быть может, вызывавший отвращение вначале своей дряхлостью, вдруг улетучился. Она оправдывала его в себе, говорила, ведь самое чистое-это не живое, а живое имеет природу стареть, дурно пахнуть, тем более, что неживое за счет его денег в самых изысканных качествах появлялось перед ней. Соперник давно уже ушел, он был

побежден. Кронов уже подумывал вручить ее своему прошлому и вернуться домой, и заполнить ее там, в своем настоящем. Ему это прошлое надоело. Любовь девушки ему ничего не добавляла. Кронов любил ее всегда всегда, а заполученный любовью он мог наслаждаться и там, если вручит ее своему прошлому. В один из тихих уединенных вечеров он признался ей, кто он такой и вручил ее своему прошлому. Его прошлое было счастливо. Кронов возвращался и чувствовал себя благодетелем этого юноши, хотя знал, что заботился о себе. Когда он открыл машину, которая должна была перенести его в будущее, он увидел, что она отсырела, но не придал этому значения, а нажал на кнопку. Машина взорвалась, отбросив его метра на три. Кронов, очнувшись, понял это. Теперь он не мог вернуться в свое будущее, значит в настоящем их было двое, значит, тот другой был не им, а был чужой, соперник, обольститель, любовник, спящий с чужой женой. Он испытал кратковременное счастье и вот новое страдание, он опять отвержен, покинут. Его девушка легко перекинула свою любовь к Кронову, его прошлому, а прошлое было ему ненавистно. Что делать, снова отобрать ее, он этого не сделает, в его природе была робость, которая не позволяла ему перейти на подлость. Даже делая деньги, он позволял остатки своего коммерческого таланта подбирать другим. Он опять, как много лет назад, уехал в тот город и стал доживать свои дни. Вариант 2. Некий Кронов, среднестатистический житель будущего, уже успевший состариться, проживал в густонаселенном городке. У него помимо всех увлечений, привязанностей и привычек была неразрешенная юношеская мечта. Как житель огромного города, где всегда легко разбогатеть, он обрел некоторую, едва заметную уверенность, что удача к нему более благосклонна. Хотя он уже состарился, обрюзг, но он лелеял надежду, что изменился в лучшую сторону. В юности, когда Кронов был еще молод и любил одну девушку в своем поселке, ему пришлось ее уступить удачливому сопернику. И теперь этот эпизод с годами не стирался из памяти, а прокручивался каждый раз все отчетливее, ему казалось, что это видение все более детализировалось, нанося все более сильное страдание Кронову. Тогда, в ранней юности, он хотел убежать, бросил родную деревню, в надежде забыть женился, заимел детей, построил огромный дом, сколотил состояние, дающее право называться богачом, он думал, что то поражение оставит его в покое. Кронов даже пытался убить это страдание, овладев своей мечтой сейчас. Вернулся в деревню, увидел своих односельчан, без труда нашел ту девушку. Девушка была уже вдовой, едва передвигающейся на толстых ногах. Овладеть ею ему не составило труда, но и это не принесло ему облегчения. Пытался ее убить, но потом он понял, что это ничего не даст, а лишь окажется за решеткой и даже не за решеткой, скорее всего дети позаботятся об имени своей семьи и поместят его в психиатрическую больницу. Страдание, доставляемое этим эпизодом, все раскручивалось. И Кронов подумывал, не кончить ли с этим с помощью оружия. Но на это не хватало духа, он слишком любил себя, чтоб легко так расстаться с жизнью. Однажды он прочитал объявление в газете, в которой привык рыться по деловой привычке, что создана машина времени и желающие могут воспользоваться ею за деньги. Желающих совсем не было и изобретатель уже собирался ее разобрать и кинуть на чердак. И тогда у него появился Кронов. Изобретатель обомлел: первый богач мог кинуть любую сумму для себя незначительную, но для него являющуюся целым состоянием. Кронов выписав деньги, отправился в свою молодость. Вначале он чувствовал себя неудобно, будучи старым человеком в своей деревне. Он так был похож на своего отца, что его было приняли на дядю Кронова, которого не существовало. Он отправился в трактир, выпил вина, поел, разглядывая сельчан, он знал каждого из них. Потом вышел на улицу и увидел парня, в нем он узнал себя. В принципе он был красив, но была какая-то робость. Проходя рядом с ним, он поздоровался, тот смутился от его пристального взгляда. Кронов подумал, как ему помочь. У него не было четкого плана, он думал, что ринется в пространство, где сближались его девушка и его противник. Что он и сделал. Девушка сначала забавлялась этим старичком, ей нравилось, что деньги сыпались к ее ногам с интенсивностью дождя. Потом она вдруг начала ощущать, что помимо этого старика существует еще другой человек,

богатый внутренним миром, переживаниями. Этот старик с легкостью воплощал любой художественный образ. И этот образ был текуч в отличие от образов кино и книг. Этот вечный герой открывал новый мир и легко с ним расставался, создавая новые непостижимые перевоплощения. Иногда ее охватывала тоска, что этот старичок умрет и будет принадлежать не ей, а смерти, и развлекать и служить ей, она ревновала его к смерти. Его внешний облик, быть может, вызывающий отвращение вначале своей дряхлостью, вдруг улетучился. Она оправдывала его в себе, говорила, ведь самое чистое-это не живое, а живое имеет природу стареть, дурно пахнуть, тем более, что неживое за счет его денег в самых изысканных качествах появлялось перед ней. Соперник давно уже ушел, он был побежден. Кронов уже подумывал вручить ее своему прошлому и вернуться домой, и заполучить ее там, в своем настоящем. Ему это прошлое надоело. Любовь девушки ему ничего не добавляла. Кронов любил ее всегда, а заполученной ее любовью он мог наслаждаться и там, а главное он сделал. В один из тихих уединенных вечеров, он признался ей, кто он такой и вручил ее своему прошлому. Его прошлое было счастливо. Кронов возвращался и чувствовал себя благодетелем этого юноши, хотя он знал, что заботится о себе. Когда Кронов приближался к машине, он почувствовал некоторое внутреннее сопротивление. Он остановился, прислушался к себе. В его памяти всплыла девушка. Сознание того, что в будущем будет обладать ею, ему не приносила уже той радости. Он понимал, что вернувшись к себе, в свое время, он теперь не будет испытывать того страдания, что мучило его всю жизнь. Но было здесь что-то, что до ужаса отталкивало. Он начинал вспоминать все эпизоды своей недавней победы. Девушка была очаровательна, сколько сладостного, почти до сумасшествия, наслаждения она подарила ему. Его пожизненная тоска и фантазии, казавшиеся нереальными, прорвались, неслись с той высоты невозможного и оттого дарили такое упоение. Каждый шаг, милый шелест ее платья, нежная, чуть отдающая молоком кожа, ее нервная дрожь невинности, ее девичьи фантазии обретения сказочного принца, и тихий волшебный вечер, с полным отсутствием насилия со стороны нравов деревни, дающий отрешенность и обретение, другой материальный мир. Все это, прокрученное в памяти Кронова, позволяло смаковать удовольствие, он высасывал наслаждение из воспоминаний. И когда он понял, что все, что можно выжать, выжато, эта любовь иссякла. И та любовь, что была в его памяти, уже не вернется, а эта реальная девушка была ему не нужна, даже противна своей податливостью. Кронов понял, что ему не нужно его будущее. Он разыскал лом, метнул его в машину времени и пошел в сторону города, как много лет назад.

Семь самураев

Как хорошо, что я не убежал от этих фанатиков в первый же день. Хотя, куда я мог убежать, у меня нет вассалов, как у того, кого мы должны убить. Меня эти фанатики застали бы где-нибудь в роще сакуры и перерезали бы горло. Сегодня мы пьем sake, развлекаемся, одежды наши поношены, лишь только мечи выдают нас в том, что мы принадлежим сословию самураев. Нам достают самых дешевых женщин, хотя малышка Секо могла бы, если ее приодеть, понравиться и сегуну. Я-вольный ронин сегуна, Медзу, служил у разных сюзеренов. Мне тридцать лет, когда-то наш род был одним из состоятельных бумажных мастеров в Киото. Меня отдали в школу, основанную некогда одним из учеников известного Яго. В воинских искусствах я не преуспел, виновны в этом мои наставники. Они давно уже отчаялись преподавать подлинное искусство. На него не было спроса. Сам я к тридцати годам понял это, но было уже поздно. У меня небольшой рост, я не научил себя «внутреннему», так что меч мой подобен мечу простолюдина. После окончания школы я получил сертификат Яго и двинулся искать сюзерена. Богатые могущественные сегуны отказывались от меня. Мой малый рост и низкая квалификация отталкивали меня. И вот тогда я начал служить незначительным сегунам. Они имели древнюю родословную, но были или менее даровиты или менее богаты, чтоб нанять хорошее войско. В общем, мои сюзерены бывали захвачены в своих крепостях и умирали делая «сэппуку». Меня, жалкого ронина, захватчики освобождали и отпускали на четыре стороны. Они меня презирали, хотя еще надеялись, что я сделаю «сэппуку». А, может, и потому и отпускали. Но я был не дурак, а подтягивал свою рваную хакаму и свой большой меч. И пускался в путь. Иногда на меня нападали разбойники, надеясь отобрать мой «кусочек хлеба» - мой меч. Но кое-чему я все-таки научился в школе Яго. Но в этот раз мне действительно не повезло. Позарились не на крепость моего сюзерена-на его жену. И все события потекли иначе. Я уже не могу надеяться на то, что без ущерба для себя потеряю сюзерена. Богатый красавчик изнасиловал мою госпожу. Жаль, конечно, но зачем из этого делать трагедию. Ведь хозяин наш беден и бездарен. Что в нем нашла наша госпожа, в этом плешивом человеке. Он не молод и не красив, потомок одного рода, воспетого в поэмах, он не обладает никакими достоинствами. А госпожа принадлежит к могущественному дому Ацуку, брат ее богат и гениален в военном деле. Вой и похоронили мы сюзерена и госпожу. Нас осталось семь самураев, и мы вышли за ворота мрачной крепости. Я хотел было пойти искать себе нового сюзерена, но могучий ронин Мияги объявил, что честь требует, чтоб мы отомстили. Я для себя уяснил, при чем тут честь. И что такое честь. Честь может быть только у слуги, у хорошего слуги. Человеку низшего порядка, у которого нет никаких способностей, вдруг впадает в голову горячка быть высоконравственным слугою. В этом да есть что-то возвышенное. Но эта возвышенность от недостатка извилин. А у меня, ронина Медзу, они есть, я пишу стихи и баллады, зачем мне другая возвышенность. Сегодня уже год прошел со времени, как мы ведем эту разгульную жизнь. Не знаю, откуда ронин Мияги достает деньги. Может быть, он грабит разбойников..Мы пьем, веселимся, проводим время у гейш. Я посвящаю им стихи и пользуюсь у них успехом. Хотя, кто знает, может, эти девочки относятся ко мне, как к отцу. Я знаю искусство врачевания и лечу девочек от болезней их профессии. Насильник нашей госпожи уже давно махнул на нас рукой и считает нас пропащими людьми. Но я смотрю, как мрачнеет Мияги, и вижу, что это не так. Что-то холодное есть в этом человеке. За свою жизнь я видел летающих воинов, видел я воинов, которые рубят рукой мечи, и видел воинов, которые поднимают скалы. Но Мияги мне внушает больший ужас. Эта его запрограммированность убить. Это-пружина, которую завели убивать, и она обязательно срабатывает. Я начинаю понимать, как уязвим человек, пока есть такие люди. Наш враг простой человек, и он, не получив наказания в срок, забыл о нем. Но Мияги взведен. В это утро Мияги повел нас на развалины старого замка, где мы, подобно монахам

Ямобуси, лазаем по стенам. Это надоедает многим. Мияги говорит о чести и «бусидо». И ронины лазают, обхватывая пальцами кирпичи. Еще день, и ночью мы режем нашего врага в его же замке. Я удивляюсь, как нас пропустили в замок сегуна, у которого три тысячи воинов. Быть может, в этом талант Мияги. Но мы проникли и победили, а победителей не берут в плен. Я упустил опять возможность сдаться. Как хорошо я умел сдаваться в плен! В этом искусстве мне нет, наверно, равных во всем Ямото. Я даже не испытываю страха перед врагами. Но мы убили сегуна. Сегодня мы в Эдо. На улице праздник. Наконец-то «бусидо» приобретет самый большой наглядный пример. Нас одели в праздничные одежды. Я несколько раз подходил к советнику императора и говорил ему, что я не собирался убивать сегуна и никого не убил, и сказал, что меня принудили под страхом смерти находиться в этом предприятии. Сановник что-то сказал о чести, о большой чести, сказал, что живое солнце растрогано, вся страна гордится героями. Я сказал, что хватит и шести. Сановник ответил, что не имеет права разбивать «единое целое», то бишь, пачку ронинов, он говорил, что нас будут славить на века. Я ответил, что не хочу иметь ничего общего с этой шайкой разбойников. Сановник вознес меч, потом с презрением опустил. Я ушел от него. Мы сели на дорогие ковры. Народ веселился вовсю. Я со злостью посмотрел на Мияги. Мияги ухмыльнулся. Лицо его раздобрело и оттого стало мне противным. Я взял бумагу и написал стих. Пошел за идиотом В прекрасное Эдо. Мышеловка захлопнулась. Цветет сакура. Я выбрал сильного самурая ассистировать. Мне не хотелось, чтоб это было больно. Рядом лежали скрученные тела моих соратников. Вначале я медлил. Мозг не подчинялся. Мозг искал выхода из этой красивой казни. Он видел меня, маленького, худого, кривоногого, в рваной хакаме с большим мечом, уходящего под презиращими взглядами самураев... Потом мозг снова возвращался к началу, я извивался, кланялся, целовал ноги самураев, они снова меня отпускали, я снова шел, маленький с большим мечом... Потом я снова возвращался, на этот раз хитрил, очень остроумно шутил, самураи хохотали-и я снова шел, маленький с большим мечом... Я услышал хруст внизу. Потом стало темно, ударил гром... Я подходил к самураям, с ними хохотал, они смеялись моим остротам, они валились от хохота-и я опять шел, маленький, с кривыми ногами и большим мечом...

Слово

Воистину не было на земле более совершенного мастера меча, чем Миомото Муцаси. Слава его далеко шагнула за пределы страны Ямото, она затмила славу величайших мастеров Поднебесной. Будь жив даже Будхирхарма, даже он признал бы, что практика духовного и физического в этом мастере достигла непостижимых вершин. Сотни именитых самураев, изодранных в бесчисленных войнах, с легкостью сорванного листка лишались своих жизней под порханием его клинка. А открытия в области духа ознаменовали вершину рассвета «дзен». Вот к этому мастеру явился молодой самурай-поэт. После ритуального приветствия он обратился: «О, сенсей, в восьми частях света не найдется человека более сведущего в познании воинских искусств и в познании великого предела человеческого духа. Муцаси-сан, скажите, где вершина того искусства, которому я посвятил свою жизнь.» «Просветленный мастер слегка улыбнулся, после его охватила легкая печаль, он попросил поэта прочесть что-нибудь. Молодой самурай, единственный сын могущественного сегуна, смутился, с дрожью овладев собой, прочитал самую удачную танка, от которой теряли головы в Эдо принцессы и гейши. Сенсей молча послушал и покачал головой. И глядя на молодого ученика, сказал: «Твой стих прекрасен, как родниковый ручеек, но ты не познал моря, огромного и бесконечного.» Поэт ответил, что понял его. Десять лет он потратил на то, чтоб изучить формы стихосложения у поэтов страны Ямото и Поднебесной и у Великих греков. Он изучил также поэмы Фердоуси и Низами и, собрав все свои знания, создал огромную поэму. Эта поэма включала в себя и героические путешествия, любовь и ненависть, жизнь и смерть, войну и мир, рай и ад, отца и сына, преступление и наказание, вершину и бездну. И, когда он появился перед Миомото и дал свой труд, мастер нахмурился и сказал, что он выполнил его повеление. Но для того, чтоб это было совершенным, он должен его укоротить. И опять ушел на несколько лет поэт. Он сохранил насколько можно смысл поэмы, и даже сделал ее еще краше. В ней сильнее звучала бездна распирающих чувств поэта. Поэт отнес все это мастеру. Миомото лишь слегка взглянул и сказал: «Еще короче.» Поэт принес одну строчку, желая поддеть мастера. А Миомото, ничуть не смутившись, сказал, чтоб он написал еще короче. И тогда поэт вдруг задумался, не водит ли его за нос мастер. Не выражает ли ему презрение. И в последний раз напряг свое поэтическое воображение. Он силился пробить бесконечность искусства, ища воплощение изящества в малом. Вначале он не обретал движения. Но вдруг он заметил, что его наполняет восторг, предчувствие чего-то необыкновенного. Он понимал, что Дао снизошло до него. Слово, которое он так искал, обретало формы. Он уже чувствовал во рту его вкус, уши слушали его музыку, а глаза видели его краски. Он побежал к Мастеру. Мастер улыбнулся, снял с подставки свой боевой меч, верного друга и соратника в беде и славе, и, повернувшись на восток, сел на колени. Сверкающий клинок медленно вошел в его живот, и еще легкое движение, и страна Ямото получила нового мастера.

Лужа

Он шел по рынку. Это был стадион «Лужники», в простонародье-Лужа. В проходе он дал билет охраннику. Потом шел по узким проходам. Два парня-великана почесали пластмассовой чесалкой его спину. Мужчина с серебристой фольгой, усталый и оглушенный своим голосом, увидев внимание В., продекламировал: «И купил «Саяны», и друг и брат.» В. пошел быстрее, девушка, продающая лотерею, крикнула: «Мужчина с усами подойдите к нам, нам нужен еще один игрок.» В. пошел быстрее. Подошла румынка. Она спросила В.: «Пан не хочет купить кожаный куртка, мы есть интурист, уезжаем сегодня.» В. сказал ей: «Иди.» Появились две женщины, они обняли его и поздоровались, сказали, что им нужен товар, но нет денег, они его знают, не одолжит ли им денег, а товар они потом перекупят. В. не знал этих женщин. Устало побрел дальше. Появился парень. Он говорил, что из канала НТВ, и пытался всучить кофеварку, В. сказал, что у него мало времени. Цена кофеварки была большая. В. остановился-он почувствовал резь в груди. Посмотрел: деньги были вырезаны. Что теперь, делать, подумал В. Впереди шли два милиционера. Человек без денег в чужом городе-это явная жертва для милиционера. В. ринулся в толпу. Он вытащил из сумки свой свитер, почти новый, и продал его за одну пятую его цены. Купил мороженое и начал им торговать на рынке. Его поймала милиция и обобрала, тогда он пошел на вокзал. Он думал о доме. Дом был далеко, и дома не было никого. Он застрял в этом городе. Утром он пошел в Лужу. Купил газеты и начал торговать. Торговля пошла. Он познакомился с молодой женщиной, она торговала парфюмерией. Когда он с ней разговаривал, подошел милиционер, спросил документы. Документов, увы, не было, их у него забрали в прошлый раз. В. подумал, сейчас меня арестуют окончательно. Пришли два человека и показали на него и на женщину, и милиционер ушел. Потом один из них подошел к В. и сказал, что, если он не будет жить с этой женщиной, милиция его арестует. В. молчал. Женщина. Он только что с ней разговаривал. Зачем он с ней разговаривал? Значит, хотел понравиться. Но хотел ли он, чтоб она была его женой. Женщина была чуть старше его, но и он не был молод. В. подошел к ней, она ему виновато улыбнулась. В. стал рядом с ней и начал ей помогать. Товар уходил быстро. В. постоянно приходилось бегать к контейнеру и притаскивать проданный ассортимент. К вечеру женщина выручила значительную сумму, она часть отсчитала милиционерам, часть накачанным парням с бритой головой. Так что сумма чуть превышала сумму, бывшую у нее до продажи. Она взяла тележку и пошла с В..Толпа хлынула в метро. Стадион опустел. Появились рабочие в сервисных робах. Они убрали помятые упаковки и мусор. Потом прошлись поливомоечные машины. Они смыли грязь. В. с женщиной в это время сновал по фирмам, покупал товары. Фирмы были разбросаны по всей Москве. В некоторых поднималась отпускная цена, в других требовали документы, в третьих не было сертификатов. Они шли, набирали товары, бежали по метро, наполняли камеры хранения и снова пускались в путь. К вечеру они, уставшие, пришли на вокзал. В. сел на скамейку. Женщина достала беляши, купленные за три тысячи у трех вокзалов, потом сардельки, воду и сыр. Она еще купила горячий чай в буфете. В. начал осторожно есть. Женщина тоже ела и украдкой нежно на него поглядывала. После женщина убрала остатки еды в сумку, купила несколько эротических газет и разложила на скамейке, В. взял одну. Эти газеты во время путешествий позволяли ему ненадолго забыть неуютность обстановки в вокзалах. Женщина осторожно взяла газету и, кусая булочку, вскоре увлеклась чтением. В. быстро прочитал все газеты и поглядел на табло, там появился номер поезда, идущего к его дому. В. опять стало тоскливо, как будто он и не читал этих газет. Женщина заметила это и убрала газеты. Она показала на дверь. Это была дверь вокзальной гостиницы. В. подумал, да, она имеет на это право, он должен платить. Хорошо, что еще можно платить тем, что имеешь. Они встали и пошли. Их приняла гостиничная работница. Женщина заплатила ей деньги за два

часа. Они закрыли дверь, легли на чистую белую постель. На столе был графин с водой. В. машинально выпил. Женщина пахла приятно, хотя не мылась давно. Вскоре он почувствовал себя женатым мужчиной, и все получилось хорошо. Женщина благодарно прижалась к нему. Она рассказала В., что ее первый муж был убит рэкетирами. В. спросил, он дрался с ними. Женщина ответила, что нет. Он просто спешил за товаром и хотел протиснуться, когда шла разборка между бандитами, и его случайно закололи. В. спросил, не хочет ли она отсюда уехать. Женщина испуганно на него посмотрела и спросила, куда. В. сказал, что просто спросил, а куда не знает. Женщина успокоилась и играла с единственным волосом на его груди. В. сказал, что она может оторвать, если хочет. Женщина сказала, что нет. Что волос ему идет. В. зевнул, и они начали одеваться. Спали они на скамейках. Утром рядом появлялись нищие и клялись, что охраняли их. В. гнал их прочь, женщина улыбалась и давала им мелочь. Нищие договаривались, что будут охранять еще. В. на них кричал «Иди», и они уходили. Потом они волочились на метро «Спортивная», по дороге иногда милиция останавливала В. Некоторые из них умудрялись выкачать хорошую сумму из кошелька женщины. В. негодовал, его угнетала нарастающая зависимость от женщины. А ее это радовало. Она говорила, что жить здесь в центре страны, в столице, очень хорошо, она скоро заработает деньги, купит квартиру. В. молчал. Иногда В не шел на работу, а слонялся по вокзалу, в город было опасно выходить без денег, хватали милиционеры. Он говорил, что проснулись травмы, полученные в детстве, и таскать баулы сегодня не сможет. Женщина уходила одна и ничего не говорила. Однажды В. ждал так ее на вокзале. Женщина ко времени не появилась. В. начал думать, не убили ли ее, или закрыли милиционеры. Но она появилась через два часа. В. ее не узнал, она походила на экранную диву. Но это ощущение быстро прошло. Если бы она застыла, то ощущение сохранилось бы. Но она двигалась и чувствовала себя виноватой. В. узнал, что она ходила в баню и в салон красоты. Она сказала В., что может и его отвести в баню. В. согласился, что ему надо сходить в баню. Но сказал, что такая красота натруженным женщинам не идет. Он сказал, что ее сильное тело красиво с гладкой прической. Пошли в гостиницу. Там она достала маленький портативный телевизор, и они смотрели его. Она сказала, что завтра продаст его и купит другой, на батарейках. В. решил упрочить свое финансовое положение, спросил у женщины денег и пошел к кавказцам. Они варили в котлах жаркое, плов, пельмени. В. купил котел, рис, баллон и начал варить плов. Пришли бандиты, избili В. и забрали котел и баллон. Женщина сказала что-то мужчинам. Вскоре они, насмехаясь над В., притащили котел. Они объяснили В., что этот бизнес очень доходный и стоит столько, сколько квартира. В. лечился целую неделю. В. решил бежать. Купил билет, когда женщина ушла. Он взял билет на дневной поезд, так как в это время женщина была на рынке. Билет взял на чужой паспорт. Оставил деньги на взятку проводнице. Когда на следующее утро подали на посадку его поезд, В. вскочил на поезд, дал проводнице билет и деньги. Проводница закрыла на время В. в своем купе. Когда до отправления поезда оставалось пять минут, дверь открылась и вошли милиционеры. Они вышвырнули В. из поезда. А рядом стоял торговец. Он говорил, что чудом увидел В., что если бы не он, то В. уехал бы. Он сидел до самого вечера. Вечером торговец передал В. женщине. Женщина молчала. Она не разговаривала с В. В. молчал. В конце концов отсюда нетрудно выбраться, думал он. Женщина ушла на работу. Но пришли мужчины, они погнали В на рынок. В. больше не оставался на вокзале. В. трудился, не покладая рук. В. надеялся, что они купят квартиру, а так он бы не убежал. Но ударила инфляция. Деньги, накопленные женщиной, потеряли силу. И В. с новым упорством работал, чтоб купить квартиру и вырваться от бдительного ока торговцев, там он свободно покинул бы Лужу.

Детство

Детство, каким бы оно ни было несправедливым иногда, запоминается яркой солнечной дымкой. Возможно, виновно в этом ожидание жизни, большой и неизвестной впереди. Я не понимал, что мой мир глазами взрослого тотализирован и есть железный занавес. Я смотрел на летающие в небе самолеты и представлял себя красивым летчиком, от которого будут без ума девушки. В крайнем случае я представлял себя средним инженером. Меня распирало от сознания того, что девочки вокруг не оценивают меня по достоинству. Наш лагерь труда и отдыха. Сколько сил отдано на возделывание колхозных полей. После обеда мы спали. После сна были игры. Мы переодевались в ярко-синие тужурки и шорты. Шорты и тужурки цвета «хаки» клали себе под матрас. Многие играли в волейбол. Некоторые шли в дальний сад, где в отличие от окружающих везде яблок росли груши, сливы, вишни. По ним стрелял старый сторож, участник второй мировой войны. Он брал сигареты от мальчишек и медленно заряжал ружье. Мальчики бросались враспынную, а сторож стрелял вверх головами. Если посмотреть за холмы, можно было увидеть нагромождение старых восточных дворцов. Они стояли, один отличный от другого, вокруг валялись сундуки с золотом и драгоценностями, старинные кинжалы, воткнутые в землю, кривые мечи, инкрустированные бриллиантами и изумрудами. Я шел туда. Я читал надписи на стенах дворцов, которые принадлежали старшекласникам и выпускникам школы. На золотых табличках были высечены надписи, что дворец принадлежит «Рустаму ибн Кумару». На других надпись гласила, что принадлежит достопочтительному ученику Сеитовской школы Нурулле ибн Юсупу. Я находил древние масляные лампы, которые валялись вокруг и тер их. Выходил белесый джинн, он поднимался медленно вверх. Вокруг были тоже белесые джинны, их поднимали трением другие мальчишки. Они терли часами и поднимали своих джиннов до самых перистых облаков, некоторые доставали до кучевых, а я до слоистых. Я тер и натирал мозоли на ладонях. Иногда появлялись альпинисты, они лезли на наших джиннов, вбивая гвозди. Потом они летели вниз на своих крылатых парашютах. Я сшил варежку из войлока и тер им две недели лампу, мой джинн поднялся высоко, он уходил куда-то в стратосферу. Помню мрачное лицо старца, раздутое до невероятных размеров. Мы перестали видеть военные самолеты. Мой джинн рос. Я тер большей частью ночью. Мои друзья тоже терли свои лампы, но они уходили из игры. Директор, возможно, получил замечание сверху, и было приказано убрать джиннов, они мешают истребителям. Я помню, как плющили бульдозером лампы. Они гнулись и стреляли маслом, пачкая нашу одежду. Трактористы безразлично курили «беломор». В тот сезон я хорошо заработал на прополке помидоров и купил переносной транзистор «Океан». Он ловил четыре диапазона коротких волн УКВ и СВ и ДВ. У меня было очень удачное лето.

Мастер

Прежде это искусство имело цену. Тысячи людей хотели понять феномен китайской культуры-ушу. Сейчас это мало кого интересует, кроме кучки специалистов и любителей. Тогда появился он- мастер. Он был низкорослым, как и следовало быть мастеру. Это подчеркивало, что сила его не в грубой физической, а в сфере мастерства. Хотя, кто знает, может быть, он блефовал. Мастер должен убить человека. Может, он убил человека и сумел это замять. Но благоразумные люди рассуждали, что убив человека, он непременно должен быть посажен. Но никто его не сажал, мы знали это точно. Когда открыли ресторан, взяли его вышибалой. Мы с любопытством ждали труппа. Мы устремились к окнам ресторана и повисли на его решетках. Пьяные посетители вначале не буянили. Но через некоторое количество времени они осмелели. Один из посетителей оскорбил мастера. Мастер взял два кирпича, привязал их к рукам посетителя. Потом было два молниеносных удара, и кирпичи рассыпались в порошок. Мы пришли в восторг. Мастер не убил посетителя и с честью сохранил свое достоинство. Мы восхищались: именно так должен поступить китайский мастер. На следующий раз желающих было больше, посетители сами обвязывались кирпичами. Мастер крушил камни, но не убил посетителя. Восторг наш не утихал. Мы гордились своим мастером. Когда мы говорили, что из такого-то села, нам говорили, не это ли то село, где живет мастер, мы с гордостью кивали. А спрашивающий пытался вспомнить, видел ли он мастера когда-нибудь. Он хотел тоже немного погордиться. Ресторан был забит до отказа: был праздник. Люди были пьяны, они забыли о мастере. Но мастер был. Это был единственный случай, когда никто с благоговением не ждал от него действий. Была пьянка, была драка. Мы слышали его крики, потом бегущего по потолку человека. Ресторан рухнул. А имел ли право мастер ломать стены ресторана. Ведь он не должен убивать. Ведь, рухнув, здание могло убить людей. Возможно, оно и убило людей. Кто позволил ему убивать нас, законопослушных людей. Может быть, в восточных философиях есть ошибка. Ведь, хотя он не ударил никого, но расколов каменные стены, он убил людей. Я думаю, все же где-то здесь ошибка. Древние пили sake. Я найду это место. Они не могли не пить sake. Ведь, играя в го, Миомото Муцаси и Яго не могли не пить sake. Я хочу найти то место, где пьяный человек и чистый одухотворенный мастер. Я найду это место, если даже придется изучить китайский и японский.

Рыбная ловля

Наше село рыбацкое. Мы ловим рыбу, которая, говорят, исчезает с лица земли. Странно, этот ровесник динозавров-единственный источник нашего дохода. Мы существуем, пока есть эта рыба. Возможно, дело не только в этом. Их ловили с давних пор. Но с какого момента они стали запретными? И тогда-то возник наш подводный, подземный лабиринт. Этот лабиринт был удобен тем, что выясняет отношения с соседней деревней. С подземелий уходили самодельные субмарины для установки снастей на осетра. Они никогда не были совершенны. Эти колоколы, движущиеся по тросам, часто всплывали при обрыве троса. Но и самое простое может со временем стать надежным, и эти субмарины, доведенные до ума, уже служат не один век. Некоторые из этих субмарин ныряют в противоположные пещеры, а эти пещеры ведут в другие русла. Помню, в детстве мой брат повез меня на мотоцикле по этим пещерам. Мы мчались; должно быть, мы дошли до края пещер, но я видел, что было еще много темных коридоров. Я не знаю, зачем повез меня мой брат. Может, он хотел показать, что он очень хорошо ориентируется в этих ходах. Он остановил машину и посмотрел в коридоры. Потом мы вернулись-он сжег почти ведро бензина. Запах паленого масла остался висеть в темноте. Иногда я думаю, возможно, когда-нибудь я смогу достичь крайних пределов подземелья. Меня особенно пугают ходы под рекой. Они сыры, пахнут рыбой. Говорят, по весне некоторые открывают задвижки, оттуда сыплется сухая плотва. Но иногда задвижки заедает, рыба кончается, и вода заливает нижние ходы. Говорят, что с виновными борются, что их могут и убить. Должно быть, убивают в других селах, у нас редко убивают. Это не из-за недостатка злости, просто в нашей деревне не очень много людей, и все они знают, что, сделав плохо, обеспечат себя тяжелой работой на несколько лет вперед. Наши заржавленные задвижки под рекой ни разу не открывались, хотя с виду бесхозны. Старые рыбаки говорят, что, если долго идти по коридорам, можно набрести на другой народ, который рыбачит по-другому. Там один человек обслуживает десятки снастей. Снасти крутятся постоянно, рыба сама слезает с кручьев и засаливается. Раз в неделю они обходят территорию, чтоб узнать наполнены ли бочки. Но никто этих людей не видел. Вернее, представители этого народа живут и среди нас, но ловят они, как мы. Когда мы говорим о том способе ловли, они улыбаются. Им приятно, что их соотечественники умнее нас. Но о том способе ловли они понятия не имеют. Иногда рыбаки, возможно, из того народа появляются и в наших краях; они говорят, что ездят на мотоциклах и смотрят за снастями. Но мы никак не можем добиться объяснения этого способа ловли осетра. Тогда я думаю, что, может быть, этого способа ловли вообще не существует, что это выдумка. Ведь по коридорам снует куча людей, которые могут украсть незаполненные бочки. Но, может быть, что те пещеры менее обитаемы. Хотя рыбная ловля-основная причина возникновения лабиринта, со временем возникли другие причины, по которым нам трудно отказаться от лабиринта. Наш лабиринт защищает нас в минуты уныния. Та бесконечность, заключенная в ней, дает скрыться людям. Они скрываются, их никто не находит, возможно, поэтому так мало наше кладбище. Есть утверждение, что часть людей, чтобы умереть, уходит, как уходили святые. Это метафизическое утверждение породило бы много привидений, но было вовремя отвергнуто жителями. Все было списано на скупость родственников исчезнувших. В подземных ходах есть места, которые успели обзавестись некоторым мистицизмом, там желания исполняются, там возможно движение мягкого грунта, ходы теряют свою пространственную ориентацию. Но редко кто спешит туда. Желания рыбака более прагматичны: потеряв жизни из-за желания иметь водку, они потеряли интерес к этим местам. Эти желания имеют в своей природе желание уверенности в завтрашнем дне, откровенное желание не умереть, оно не умещается в гонке за успехом. Но, если спросить у нищего попрошайки, то и у него окажется больше желания к успеху, нежели выживать. Эти пещеры когда-нибудь зальет водой, об этом говорят древние

сказания нашего народа. Пока живем, мы тратим кучу своего времени, бродя по прохладным коридорам. Иногда мы натываемся на настенные надписи. Нам говорят, что они имеют происхождение более древнее, чем сам лабиринт.

Разрушение древности

Во времена династии Сунь, в дремучей древности Золотого Китая, что восхвалял Конфуций, было не так благополучно. Древние постигали законы хаоса. Это было время, когда даосский монах создал основы боевого искусства тайцзицюань. Это было время, когда Алеф открывал свои прочерки и пустоты своего пространства. Мясники резали мясо в течение ста лет одним не заточенным ножом. Древние мудрецы появлялись во времени и исчезали. Это не удивляло никого. По телам людей текла энергия, по каналам и коллатариям, и их разглядывали ясновидящие врачеватели. Легендарный желтый император Хуанди услаждал миллионы женщин, не извергнув семени, и писал о внутреннем. Тогда было понятно все. Дети почитали старших, императоры были мудры, подданные-вежливы и учтивы. Мудрецы создали книгу перемен. Она отражала настоящее и будущее, в ней мужское и женское размножалось до бесконечности, она изображала устройство мира Багуа, пентаграммы. Она была и картой мира. Тем, что его модель была построена в древности, мало кого удивить. Да, она была построена молодым человеком того времени. Нравы в те времена были не испорчены, женщины выходили один раз замуж, проституток не было. Люди женились по любви. Любовь была таинством, которое было лишь достоянием провидения. Этот молодой человек решил взять судьбу в свои руки. Этот вселенский порядок возможно было нарушить лишь вмешательством в порядок хаоса вселенной. И он построил лабиринт из пентаграмм. Он женился на девушке. И решил проверить силу ее любви. Появившись через двадцать лет, он совратил свою жену. Так как был молодым человеком, переодетым. Жена постарела. Но она узнала его и допустила к себе. Это было то первое, что сокрушило старый Китай. С того времени хаос, открытый всем, исчез. Древность разрушена. И представляет археологическую ценность. Но та древность, написанная в трактатах Конфуция, исчезла. Утверждают, что глиняные воины, захороненные вместе с императором, -это скорее всего блуждающие в пространстве войска, застывшие в походе из-за нарушения работы механизма пространства в результате вмешательства молодого человека. Воины обглинились при прохождении земли. Возможно, земля не была землей, и это пространство было воздухом. Никто не возьмется утверждать, куда они шли, насколько нарушен механизм устройства вселенной из-за вмешательства молодого человека. Официальная история-насколько она первична? Это обрывки летописи, написанные историками. Но и историки не отрицают существование Конфуция. Но, если был Конфуций, была и та древность, которой он оперировал. История конца этой древности похожа на историю конца Трои. Все из-за женщины. Китайцы более прагматичны, они воруют женщину у себя. Мировая добродетель не позволяет им опуститься до подлости европейской культуры.

Поездка

Как славно мы возвращались с работы. Наш караул, сдав смену, садился на поезд. Мы ехали в составе. Мы весело шли из вагона в вагон. Проходили через вагоны-конюшни, вдыхали запах навоза и сена, встряхивали ноги в тамбуре. Потом шли в вагон-столовую. За глухими стенами, в тишине, мы заказывали жаркое из картофеля и плов, и, помня любимое лакомство с детства, заказывали сварочные электроды. Я заказал больше всех электроды. Я ел их с большим аппетитом. Должно быть, я переел электроды. Как приятно сперва обивать электроды об стенку, чтоб ослабить приклеившуюся к стальной проволоке окалину, потом с хрустом грызть эту окалину. Но я, должно быть, переел, у меня возникла изжога.

Как странно, что мы перестали осознавать, что окалина сварочного электрода не имеет пищевой ценности. Это просто дань детской слабости. Как хорошо на нашей слабости зарабатывают повара и продавцы продуктовых магазинов. Ведь, даже если электрод пищевой, как уверяют нас рекламы, сделан из экологических материалов и нетоксичен для нашего организма, все равно он сделан для промышленного использования. Как трудно было нам во времена сухого закона, когда мы потребляли контрабандную китайскую продукцию. Ведь никто не проверял качество электродов из Китая, возможно, они использовали канцерогенные компоненты, и мы могли заболеть раком. Но никто не отказывался от паленых электродов. Мы с жадностью смотрели на сварщиков, которые варили на большой высоте, и ели драгоценную окалину вместе с каплями металла. Но сейчас другие времена. Все знают, что запретом ничего невозможно достичь. Сейчас прилавки забиты сотнями сортов электродов, они экологически чисты, их можно есть с пельменями, с восточным бешбармаком. Есть с французскими лягушками и трюфелями. Грызть с черной икрой, с омарами и любой экзотической пищей. Уже не надо есть промышленный электрод, так как в некоторых технологических сварках трудно отказаться от токсичных материалов. Но есть любители естества, которые утверждают, что настоящий электрод-это тот, который может быть использован по прямому назначению. Эти дикари не понимают, какой удар могут нанести обществу. Ведь они заражают своей идеей детей, которые в силу своей детской неустойчивости особенно податливы влиянию дурных примеров. Я призываю с такими людьми вести бескомпромиссную борьбу. Они могут погубить наше будущее. Наше общество давно научилось приспосабливаться к прихотям своих членов. Но некоторые упрямцы наносят очень много вреда. Грузины считают, что электрод-это блюдо, которое несет свое начало от их национального блюда шашлыка. Но это утверждение не имеет под собой реальной основы. Шашлык изготавливается из съедобного мяса. А электрод, даже самый изощренный и самый новомодный, не имеет пищевой ценности. Эта пищевая бесполезность-необходимый деликатесный шарм любого электрода. Электрод не может принадлежать ни к одной национальной кухне, это просто последствие технического прогресса. Оно больше связано с изобретением бетона. Сварка арматуры и строительство панельных домов. Как трудно сейчас представить, бродя по чистым стерильным супермаркетам, имея возможность выбрать электроды на любой вкус, что мы в детстве ели окалины уже с заржавевших, полуразложившихся электродов. Сейчас этому никто не поверит, наше трудное детство ушло в прошлое. Молодежь смеется, им не верится, что мы проявляли недюжинные силы, чтобы выжить в своем детстве. Им кажется, что трудности, которые могут угрожать жизни, были только в первобытное время. Они смеются, и нам не хочется говорить о своем прошлом. Нам хочется иногда сказать, что было время, когда не ели электроды. Но кто этому поверит. Сказав это, я сам не буду уверен, что говорю правду. Возможно, электроды начали есть на поколение раньше, чем мы. Я боюсь что-либо утверждать. Но я скажу точно и не буду врать, в наше время его не производили в таком количестве и в таком ассортименте.

Ускоритель

Произошло убийство. Следователь К. сидел и разглядывал схему убийства. Его помощник склонял дело к случайности происшествия. Убили ученого Федорова. Это был физик-ядерщик, который занимался проблемами сверхвысоких взаимодействий в ядерной физике. Следователь К. принялся изучать его работы. Эти работы частично или полностью связаны с работами Черенкова, Франка и Эйнштейна-явления сверхсветовых скоростей. Следователь К. пытался найти ключ к разгадке убийства в формулах физиков. То, что физические законы и законы философии и социальные законы находятся во взаимодействии, К. понимал хотя бы потому, что здравый смысл исходил из законов физики. Убийство было совершено первого января этого года. Убийца мог быть случайным человеком. Вором, забравшимся в чужую квартиру. В этом случае, если он проделал все профессионально, то найти его шансы сведены к нулю, но, если это преднамеренное убийство, то стоит изучить мотивы в окружении профессора. Но и здесь есть опасность посадить ни в чем неповинного человека, имеющего твердые мотивы убить ученого. Ученый был достаточно крупным, чтоб закрывать дорогу к карьере молодым. Но убить могли и старшие сотрудники. Следователь К. имел большой опыт работы и считался лучшим. Однажды, прогуливаясь по туннелям ускорителя элементарных частиц, он нашел записку. В ней была нарисована схема и формула. Схема указывала один их поворотов ускорителя, где частицы при выключенных угловых электромагнитах могли прошить человека. Формула была взята из работ Эйнштейна, она говорила о том, что при увеличении скорости выше света время течет в обратном направлении. Дело продвигалось очень трудно. Следователь потерял больше девяти месяцев. Успехи были незначительны. Кроме найденных ранее сведений он узнал, что явления в ядерной физике почти что метафизичны. Элементарные частицы узнают о полярности других частиц со скоростью намного превышающей скорость света. Это есть нарушение законов физики, утверждения, что ничто на свете не выше скорости света. Да, еще следователь прочитал дату-31 декабря-на записке, которой не придавал значения. Сопоставляя скудные факты, следователь понял, что это не последнее убийство. Что произойдет еще одно. И оно произойдет 31 декабря. На одном из углов ускорителя. Изучая место происшествия и телесные повреждения, следователь понял, что убийцей был сам убитый. Значит, убийца убил непреднамеренно. Вот она закономерность сверхсветовых скоростей. Убиваемый, изменив полярность, на сверхсветовой скорости убил своего убийцу. Вдруг следователя осенило: он понял, что поймать убийцу можно лишь превзойдя скорость света и вернувшись по времени до начала убийства.,это время было отмечено на записке:31 декабря-раньше 1 января. Значит, следующее убийство будет 31 декабря. 31 декабря следователь оделся. Он понимал, что убийца совершил непреднамеренное убийство, он думал, что, увидев его, он сообщит ему об этом. Суд ему зачтет незначительный срок или вовсе оправдает. Он долго сидел в темном коридоре ускорителя. Когда включился свет, в дальней стороне коридора он увидел ученого, руководителя работ, профессора Федорова. Ученый громко заговорил, хотя коридоры легко доносили его слова. Он сказал, что ему наконец-то удалось следователя заманить в ловушку. Ведь следователь-единственный, кто мог бы найти убийцу. И он мог бы сам отказаться найти убийцу. Но, если он не мог перебороть это желание, то его ждет смерть. Его пистолет бесполезен-расстояние большое. Выйти из зоны действия ускорителя невозможно за короткое время. Так что следователь обречен. Следователь сказал, что возможно его не посадят. Ученый ответил, что ему не хочется вообще подвергать свою свободу опасности. Ведь было же у следователя время отказаться от намерения найти убийцу. Следователь К. сказал, что это его работа. Ученый ответил «понимаю» и нажал на кнопку.

Кентавр

«Говорят, что Геракл получил смерть от рубашки, пропитанной его женой кровью Кентавра. А Кентавр был колдун

и посмертно отомстил Гераклу, нашептал жене его, что кровь Кентавра придает верность. То был не Хирон.» Что за странность моя отшельническая жизнь. Кто-то сказал, что отшельничество сближает с богом, только в нем «я» человека может создать то блаженное, отрешенное от мира состояние, когда бог, видя чистоту помыслов, нисходит до тебя и одаривает истиной, истиной бесконечной, непередаваемой, но я не знаю, кто это сказал. Возможно, я вырвал эти воспоминания из будущего во время моих ученых занятий. Но то верно, что я

вовсе не одинок, люди, блуждающие где-то далеко темны. Мне иногда хочется понять тот смысл, который они придают своему скоплению воздвижением гигантских сооружений. Меня тяготит желание каждого из них пройти по головам других. Возможно, в этом есть

какой-то тайный смысл, но я чувствую, что они в чем-то беспомощны. Иногда они воют, и тогда я начинаю понимать, до чего несправедливы их противники, что бываю неспособен стать на чью-либо сторону.

В детстве я очень много бегал и казалось обежал все части света. Сейчас порядком утомлен. Мне кажется, что усталость ко мне забралась, когда я нашел кусок телячьей кожи

с загадочными знаками, я разгадал эти знаки и с тех пор стал облачать свои мысли в эти знаки. Мне нравилось вначале появляться в тех местах, где люди убивали себе подобных, и все я заносил на эти шкуры. Но после понял, что в этих убийствах есть некоторая закономерность, и почувствовал, что подо мной может открыться пропасть скуки. И тогда я был

волен временами разглядывать людей и искать едва различимые движения в их облике, отношениях между собой. Мне открывалась та тайна, которую они придают отношениям, что у животных происходит безболезненно. Я понял те бесчисленные вариации простого.

Для

начала я объясню вам, что эта масса имела два разных существа, они иногда так привязывались друг к другу, что даже были склонны отталкивать ту массу, которой принадлежали. Разобравшись в их несколько сотен вариациях, я научился сам составлять эти отношения в телячьей шкуре. Я заносил туда и начал им объяснять. Они удивились и с тех пор начали еще больше усложнять и без того неразборчивые отношения. Чаще всего в них два человека, очень молодых, кончали собой. Однажды они меня пригласили на одно из многочисленных пиршеств, устроенных в

честь одного из своих идолов. Было там очень много чаш возлияний, торжественных треножников, благовоний и заклания быков. Но в конце, когда люди, усевшись за стол, поглощали дорогие вина, ели мясо, политое оливковым маслом, появился высокий сухой старик. В руке он держал лиру. Ему дали вина, он выпил, поблагодарил служителей и запел, аккомпанируя себе, неведомые мне гекатомбы. Мне сказали, что этот слепой бард знает поведенную богами знание о великой войне. Вокруг него были его ученики. Никогда я ничего

подобного не слышал. В минуту своего поэтического экстаза он поведал мне, что боги хотят, чтобы я своей смертью убил героя. В другом откровении он поведал, что моя кровь дарует верность. Я не придавал этому значения: мало ли что может говорить безумный, странствующий бард. С тех пор прошло много времени. Меня эти люди почитают за мыслителя, врача, врача. Я несколько раз участвовал в их походах на варварские племена. Всегда я приносил удачу. Иногда я гадал-предсказания сбывались. Люди меня стали почитать за ученого, за колдуна

и за воина. Я не чувствовал уже скуки, мне нравилось то, что эти двуногие, слабые существа частью живут моей жизнью и подражают мне. Иногда все ж мне для изучения их анатомии приходилось умертвлять отдельные экземпляры, но делал это не часто: настолько, насколько требовала наука. Но сейчас мне надо идти к людям. Они меня пригласили на праздник владыки моря. Но что это такое? Почему-то пространство начало кружиться, предметы, дома взмывали ввысь и бесшумно падали в пропасть. Кружение все увеличивало свою скорость, постепенно теряя свою предметность. Воздух сгущался. Вдруг все рассыпалось. Люди, вызванные из памяти удлинялись, делились надвое в своих утончениях и исчезали. Кружение ускорялось, так что уже невозможно было различить предметы. И тогда он увидел свое тело, оно уходило от него. Он мчался по бесконечно длинному коридору, конец которого светил. Он понимал, что там есть нечто, что было постижением всей жизни. – Возьми, Геракл, вскрой вон ту жилу, мне нужна его кровь. – Но зачем тебе? – Я сама знаю.

Отступление

На нашу страну нагрянула война. Война хотя и не частое явление, но все же иногда происходящее событие. Виной войны могут быть разные события. Но они большей частью для нас, мелких обывателей, непонятны и независимы от нас. Наши руководители страны находят объяснение войне. Они объясняют нам в начале или после войны насколько справедлива и несправедлива эта война. Это объяснение нас устраивает, более того мы ожидаем этого объяснения. Это объяснение дает нам возможность понять насколько велики наши шансы победить в войне. Большой частью эти объяснения сводятся к тому, что война справедлива с нашей стороны и вероломна со стороны врага. И все существующие научные законы войны да и другие научные законы на стороне нашей победы. Это позволяет нам идти на войну будучи уверенными, что мир снова вернется к спокойствию. Наши страхи и мелкие удовольствия, хотя считаются мелкими удовольствиями обывателя, для нас ценны. Ведь всякое стремление наших руководителей столкнуть на великие деяния кончается тем, что нам вернут наше обывательское спокойствие, мы совершаем великие деяния наших кормчих. Нам устраивают на наших площадях красивые демонстрации. Наши руководители уверены в неистощимой энергии и восторге, который охватывает нас. Нас этот восторг охватывает, мы искренне верим в наш восторг. Возвращаясь домой мы хотим передать этот восторг нашим домашним, нашим женам и детям. Но их тупость и бестолковость нас удручает. Они не в состоянии разделить наш восторг. Или они разделяют наш восторг, когда мы устаем объяснять позиции и политику наших великих вождей. Наша монолитность, которой добиваются наши руководители, действительно существует, хотя она не имеет ту природу, которой добиваются наши руководители. То, что в природе нашего порыва нет порыва, заставляет опускать руки наших руководителей. Природа одарила наших руководителей тем, чем обделила нас. Но кто скажет или упрекнет нас в том, что мы мало отдаем сил, чтоб понять наших руководителей. Свидетельство тому измененные русла рек, вспаханные пустыни, утепленные полюса. Но мы никак не можем в себе победить нашу первобытную потребность к комфорту. Нас тянет к теплому домику с женой и детьми, к горячему чаю. Хотя наши руководители утверждают первобытность этого совершенства, но должно быть какая-то ошибка, иначе они бы знали, что хорошо. Но они чувствуют непорядок. Возможно даже, что это не первобытность. Мы понимаем заботу наших руководителей. Им приходится нелегко, в постоянной заботе о нас. Нельзя сказать, что нам не доставляет удовольствие, когда мы совершаем что-то правильно, ошибка происходит в расчетах наших руководителей. Но мы не испытываем радости, мы знаем, что их научные изыскания продиктованы заботой о нас. В конце концов они находят ошибки. И кто другой, как не мы испытываем большей радости плоду их колоссального труда. Мы с огромным энтузиазмом изучаем свои прошлые ошибки, уверенные, что наша озабоченность непонятностью прошлого прошла. Теперь мы вооружены самыми последними научными разработками. Совершенство первобытного совершенно в низшем уровне, совершенство нашего общества совершенно в высшем уровне. Хотя это несовершенно в мелких деталях большей частью от нашей обывательской природы. Хотя в будущем, когда будет побеждена наша обывательская природа, это общество будет совершенно первобытной, хотя моделью будет схожа с древней и, значит, это идеально совершенно. Мы в восторге, если мы теряем наши книжки по самообразованию. В любой лавке можно приобрести дубликат. Сегодня началась война. Я помню, помню схожие войны, и хотя их было немного, но в моем обывательском сознании есть опыт. Хотя понимаю, что этот опыт низменный, не отражающий идеалов нашего общества. Этот опыт продиктован чувством самосохранения. Я понимаю, наши большие руководители будут говорить о спокойствии, о могучей нашей армии, которая непобедима, о наших руководителях, которые никогда не бросят свой народ в беде и все делают, чтоб народ не испытывал никаких трудностей

в войне. Мой страх перед могучими нашими врагами гонит меня на станцию. Ходят слухи, что до вечера враги оккупируют нашу местность. Наши войска отступают. Единственный способ покинуть-это железная дорога, но и она ненадежна, так как некоторые участки железных дорог захвачены нашими врагами. Они целы или из-за неразберихи, тот ли из-за того, что сами надеются использовать железные дороги для перевозки войск и военной техники. Я залезаю в состав, идущий вглубь нашей страны. Я прячусь под лавку. Вагон забит вещами, с которыми мои сограждане не смогли расстаться. Это тюки с одеждой, одеялы, матрасы. Мы знаем, что скоро начнется территория, захваченная нашим врагом. Он будет пользоваться вагоном, и нам нельзя быть обнаруженными. Но коварный враг неподвижно путешествующего человека-это газы. Они возникают в глубине утробы от неподвижности, от плохой работы кишечника, от дисбактериоза, от плохой несвежей еды, добытой путешественником, купленной за две-три цены в дороге. Я не знаю, как остановить эти газы, они выдают мое присутствие в вагоне, хотя я спрятался основательно и обнаружить визуально меня невозможно. Но запах газов выдает присутствие человека. Но это еще полбеда. Вагон набит прячущимися моими соотечественниками. Их количество и запах их газов не оставляет шансов не быть обнаруженными. Обнаружив их из-за запаха наши враги начнут тщательнейшим образом обыскивать вагоны и обнаружат меня, как хорошо я бы не укрылся. Иногда я смею раздражаться нашими вождами, их стремлением не делать наших женщин сексуальными. Женщина, равная мужчине, -не предмет потребления мужчин, скорее приходится предметом, потребляющим мужчин. Мужчине трудно быть предметом потребления, у него есть независимый орган, живущий своей жизнью и своими желаниями и потребностью, и полностью освобожденный от авторитарности хозяина. Он вряд ли послушается хозяина, если даже он продал его за хорошую цену. Он сам вынюхивает, присматривается. Наши руководители сделали наших женщин толстыми, обладающими не меньшей физической силой, чем мы сами. Они выделяют газов намного больше нас. Как бы хотел сейчас я, прячась в своем укрытии, чтоб наша женщина, лежащая в соседнем купе, перебивающая своими газами меня, была худой, изящной, сексуальной женщиной. Она могла бы соблазнить врага. Враг, предаваясь сексуальным утехам, и не думал бы искать меня по моим газам. Он бы даже не заметил меня. Он бы занимался моей соотечественницей на всей вражеской территории, этим она спасла бы меня и совершила благородное дело. Но вместо этого она, укрывшись, незаметная, источает такие газы, что может привести врага в такое ожесточение, что пощады не будет. Не знаю насколько мы приблизились к вражеской территории. С каждым стуком колес я мчусь навстречу смерти, источая газы. Возможно, провидение меня спасет, но я не верю. С такими женщинами мы беззащитны против свирепого злого врага, врага, которого я не видел, но которого ощущаю всем существом живого органического белкового существа.

Караул

«Вольно,» -скомандовал сержант. Солдаты уселись на землю. Некоторые стали разглядывать облупившееся наставление штыкового боя, некоторые ушли вовнутрь караульного здания. Верба подошел к одному из плакатов. В нем солдат прокалывал штыком чучело. Верба пытался вспомнить, делал ли он когда-нибудь что-то подобное. Он вынул свой штык-нож. Лезвие ножа было толстым и грубым, от этого ему стало грустно. Он перестал верить этому плакату. Сержант позвал вовнутрь караульного помещения. Солдаты выбирали, кто будет ответственным за помещение. Верба шел за всеми. Сперва они зашли в туалет-он был ослепительно чист, в центре стоял один-единственный унитаз, который не работал. Сержант объяснил, что им нельзя пользоваться. Потом они зашли в унылое помещение отдыхающей смены; в комнате бодрствующей смены столы были заполнены шахматами и оружейной пирамидой. Эта комната казалась созданной для шахматистов. Почему шахматистов, почему кому-то показалось, что безмозглые солдаты будут тяготеть к шахматам? Верба пошел дальше. Они прошли в столовую комнату, где все было тоскливее, чем в других комнатах. Наличие одного стола в маленькой комнате напоминало о тесной дружеской интимности, обжитой домашности обстановки. Это было издевательством над чувствами, ведь каждый, кто сидел здесь, знал, что он-зверь в зверинце, и каждый напрягал последние свои способности, чтобы выжить. Потом сержант провёл в комнату для перезарядки оружия. В стене сидела пуля. Большой стол с углублениями по краям. Здесь Верба почувствовал запах смерти. Он вдруг неосознанно звериным чутьем ощутил толщину стен. Сержант пошел дальше, а Верба остался. Он гладил стены. Приложившись губами, полизал их. Он пытался познать вкус смерти. Его сознание давно оставило понимание, что здание строили люди. Он забыл о гигиене. Верба посмотрел в дуло своего автомата. До чего он хлипкок по сравнению с этими стенами. После он зашел в комнату временного задержания. Это была маленькая комнатка с кованой дверью и окошечком со спичечный коробок. Он вошел туда и посидел. Он опять прижался щекой к стене. Он пытался представить себя нарушившим закон и заточенным. Верба содрогался простоте мира. Вот он заточен, а что же дальше, почему же этот страх? Ведь в начале все было заманчиво-небольшой пикничок свободы в обустроенном доме людей, способных убивать. Верба думал, если я неправильно убью, то меня посадят. Но мы же явились сюда с правом убивать и весело отдохнуть: от нарядов, от побоев, от бесконечных драк между собой. Мы ведь подобрали от того, что получили право убивать. Мы-веселая компания с автоматами. Мы весело покушаем в столовой, сыграем в шахматы, как самые заядливые гроссмейстеры. А что потом... Верба думал. У него было оружие, он мог примкнуть магазин здесь. Верба заслал патрон в патронник. Теперь я-узник с оружием. Он хотел испытать смешанное чувство: чувство убийцы, не утратившего способности убивать, и чувство наказанного, подавленного государством узника. Но скоро он об этом пожалел. Это был стирающий прием, он медленно стирал оба чувства. Сержант открыл дверь и сказал, что ему рано примыкать магазин. Верба отстегнул магазин, передернул затвор, патрон со звоном упал на пол. Они пошли в комнату с шахматами. Сержант обнял огромный стальной сундук и ласково сказал, что здесь на случай нападения патронов надолго хватит. После пришел капитан. Этот человек с внешностью Юрия Гагарина был очень интеллигентен, но жесток, если это было в его привычке, против привычки он, кажется, никогда не шел. Например, в его привычку не входило быть жестоким по отношению к Вербе и он его не трогал, иногда требовал жестокости от Вербы, но обычно Верба по приказу никогда не был жесток. Поэтому капитан и Верба друг друга не понимали, но уважали интеллигентность друг друга. Когда стемнело, наступила очередь Вербы идти на пост. Он по-домашнему зарядил автомат и отправился с сержантом на пост. Место было отличное. Пара ядерных колодца по углам, несколько наземных, несколько подземных хранилища, начиненных всевозможными боеприпасами. Сержант ушел,

заперев ограду. На земле валялись в ящиках ручные гранаты-Верба взял одну-они были ржавыми и, наверно, к ним не закручиваются капсулы, подумал Верба. Лежали также противотанковые мины и стокилограммовые дымовые шашки. Вербе стало скучно. Это игрушки детей, подумал Верба, они ему не нравились, он уже повзрослел. Он пошел по периметру поста, мимо радиационных колодцев, позвонил по телефону под грибком в караульное помещение. Потом пошел под куст и лег. Это был, вернее, не куст, а бурьян из высоких трав. Вот туда и лег Верба. Он подумал, что хорошо, наверно, тем караульным, к которым приходила девушка. Его воображение рисовало толпу молодых солдат и девушку, отдающуюся, скажем, в комнате бодрствующей смены. Она будет разложена на шахматных столах, а потом он подумал, она, возможно, чья-нибудь сестра. Верба загнал патрон в патронник, спустил предохранитель, положил палец на курок и заснул. Проснулся он от грохота. Перед ним лежал человек, у него не было половины головы. Верба встал, подошел к грибку, позвонил и крикнул: «Нападение на пост!» и, три раза выстрелил в воздух и лег на траву. Убитый лежал рядом. Пришел сержант. Убитого унесли. Через неделю Верба снова лежал в бурьяне с пальцев на курке.

Суд смерти

В комнате, возможно, бывшей во флигеле старого провинциального дома, построенного в готическом стиле, и, вероятно, окруженного такими же домами, стояла крошечная тьма. Несмотря на это постепенно привыкающий глаз мог различить почти полное отсутствие предметов, дверей, окон, лишь только пара стульев и стол. Такая обстановка внушала ощущение некоторого безвременья. Воздух, наполняющий комнату, не менялся столетиями и потому, может быть, комната изначально создана своей правильностью линий человеком, но не для человека. Однажды в нее замуровали колдунью, и с тех пор комната наполнялась существами, которых человеческое сознание не могло объяснить, но которые порождены воображением каждого нового человека. А затхлость, неподвижность придавали некоторый таинственный аромат, чуждый новоявленным темпераментным чудовищам и монстрам. Некий вечный дух Кентервильского привидения, связанный неразрывно с глубоким детством человечества, витал над этой комнатой. Глядя на эти стены, невольный путешественник, созерцая всю красоту наружных стен этого прекрасного дома, разве обязательно видит снаружи, когда достаточно взглянуть вовнутрь, а воображение построит остальное. Говорят, когда Платон говорил «атом», он не имел в виду то, что мы знаем сейчас, отягощенные знаниями науки, он просто видел максимально малую точку, которую был способен наполнить своими ощущениями. На одном стуле сидит женщина в черном. Вуаль скрывала лицо. «Как мне страшно, - томно произнесла она, выходя из оцепенения. - Это ужасно, темнота меня угнетает. Как я могу сидеть в этой комнате. «И она повернула голову, на фоне чуть фосфоресцирующей стены можно было увидеть прекрасный профиль тридцатилетней женщины. «Я, право, не знаю, наверно, я сойду с ума,» - занимала она разговорами себя. И опять вдруг затихла. Ее поза была величественна. Она была частью таинственной темноты. Приподняв часть стены, как полог, появилась голова. «Мадам, я вам не помешал?» - льстиво приветствовал сей кавалер. «Нисколько,» - ответила женщина. «Я шел тут мимо, услышал разговор и подумал, что вы меня зовете,» - сказал мужчина. Он был широкополой шляпе, сух, высок, тело его было полно жизненной силы, лицо худое, вытянутое, с крупным носом и иссушенными глазами. Внешность, присущая почти старикам, еще умеющим влюблять молоденьких, наивных барышень. «Мадам, я знаю способ развеять вашу скуку,» - говорил он. «О, разве, в твоих забавах есть что-нибудь занимательное, ведь смертнечто останочное, в ней нет движения,» - возражала женщина. «Поверьте, я-смерть, но это лишь моя профессия. Иногда я добавляю немного шарма и это делает мою профессию немного увлекательной, хотя печать таинства сквозит всегда в моей возне. Мой один китайский коллега говаривал, что у них Даосы позволяют себе очень почтительно ужинать с ним, со смертью, даже зная, что в еде ожидает их кончина,» - минуту помолчав мужчина добавил, - давайте пройдемтесь. «Дама встала. Они прошли через несколько стен, через женщину, укладывающую ребенка спать, пока не вышли на улицу, освещенную ночным звездным небом. Говорят, города бывают новые и старые, и есть города вечные. Мне приходилось бывать в новых, они малы, опрятны, имеют обыкновение быстро кончаться, когда проезжаешь через них, и даже не замечаешь, что это был город, возникает жалость к их отдаленности, к их квартирам-признакам города. Было бы гораздо приятнее, если бы люди жили в домах и принадлежали к вселенской деревне. А в этих еще очень боятся нищих, их еще считают за людей. Старые города, так, знаю. А вечные обладают той неизменностью, тем стремлением к постоянству и каждый горожанин, живущий сейчас, чувствует себя гостем в бесконечном потоке времени, архитектура древности затмевает потребность модно одеваться. Постоянство рождает консерватизм в политике, во всем управлении и серость массы горожан, устойчиво и неотвратимо. Этот город принадлежал к маленьким вечным городам. Он имел обыкновение не расти с течением столетий. Он также был огражден городским валом как и тысячу лет назад. Этот вал зарос плотным дерном

и зеленел, местами росли одинокие дубы. Чуть далее был небольшой пруд с целым оркестром лягушек, которым в сумерки подпевали кузнечики. Старые городские ворота и стены напоминали о государственности этого города. Говорят, что некогда были тут рыцари и были благородные разбойники, было много крови, но спокойствие всегда возвращалось сюда; войны пытались несколько раз разрушить его стены, но каждый раз за стенами оказывался великий философ или художник, так что гений войны отдавал почести гению искусства или ума и оставлял этот город. Готическая церковь с огромными витражами, с фамильными склепами правителей, герцогов, возвышалась над городом, в его пилонах были установлены часы с боем, с движущимися фигурками святых. «Знаете, мой милый друг, -говорила попутчица, -мне кажется, что моя скука связана с этим городом, но не хочу отсюда уходить, скука обжитого дома не очень скверна...»«Мадам, я с вами полностью согласен, но посмотрите вон туда, что-то там замышляют братцы-студенты,» -отвечал кавалер. -Чем они могут заняться, как не напиться и мотать свои стипендии на этих девиц? -Возможно, мадам. Но именно эти студенты могли бы немного нас развлечь. -Но как? -спрашивала женщина в черном. -Сейчас зайдем в тот кабак, что стоит в углу университетской улицы. Ты, царица-ночь, потушишь все фонари, а я войду в сердце какому-нибудь юноше, хотя бы вон к тому, он как раз направляется туда, а потом я обещаю, что вечер мы проведем удачно, -сказал кавалер.

Они медленно приблизились. Кавалер со своей дамой спустились вниз, лестницы были крутые, так что мужчине пришлось слегка поддерживать. Но когда они открыли двери, были вознаграждены за неудобства: теплый свет фонарей танцы девиц и музыка притягивали необузданным весельем. Мрачный кавалер искал свою жертву. Он увидел его, обнимавшего одну из девиц и сыплющего ей пошлые остроты, от которых они приходили в неистовый восторженный хохот. -Вот и наш красавчик. За дело, мадам, -молвил кавалер. Ночь погасила лампы, а смерть, вверенным ей магнетизмом, совершила то странное действие в мозгу молодого человека, и тот посредством ножа начал сеять вокруг смерть, проткнув полтора десятка человек, он остановился, аккуратно положил нож на стол и стал ждать.

Жандармы явились сразу, их удивило безразличие, с которым убийца протянул обе руки. Глаза убийцы были пусты, казалось, человеческая слабость постоянно проигрывает дальнейший ход событий чужда этому человеку. Смерть улыбнулась, обнажив почти все зубы. Ночь смотрела несколько возбужденно, ее радовало, что скука начинала развеиваться, ее волновала судьба этого молодого человека, подобно бальзаковским женщинам ее терзал дух покровительства молодым людям, ей казалось, что сумасбродство бедного юноши заставит ее сделать не меньше сумасбродства, которые приведут ее к падению в светском обществе. Но она была только ночью, чем-то неодушевленным, хотя одухотворенность была не чужда. -Ну как? -Спросила смерть, когда захлопнулась дверь за жандармами. -Не кажется ли вам, что это жестоко, -ответила та. -Нисколько, если учесть то, что люди издревле находят, что человеческая жизнь без духа не стоит и гроша. В природе человека лежит нечто тщеславное, что требует от них казаться выше остального животного мира. Им мало того, что они проживут полную физиологическую жизнь с полным износом всего жизненного ресурса, им подавай некоторое событие, пусть даже оно послужит возвышению одного, а остальные могут ему служить технологическим мясом, чем-то похожим на индейцев, которых так результативно убивают ковбойцы. -Вы правы, мой кавалер, но кто нам дал право вмешиваться в их дело, -корила подруга. -Не думаете ли вы, что мы боги, очнитесь, дорогая, мы не боги, наше дело грязное и темное, а эта затея намного чище, чем позволяют себе люди, так что, дорогая, не обращайтесь на это начало, скоро вы о нем забудете. Мне кажется, что я знаю, чем вся эта история кончится, но я был бы очень рад, если бы так не было. Мое знание людей велико, ошибиться-значило бы найти что-то новое. Я не бог, я-смерть и любой вам ответит, что я люблю импровизации, а то бы не рождались люди в рубашках. Наступило утро. Ночные гуляки растаскивались последними предрассветными сумерками. Уже появлялись люди дневные с присущим им порядочным

видом. Город укутывал туман и оттого древние стены, казалось, всплывали из недр земли. Ночь и смерть давно убралась в свои квартиры. Спали и жандармы, их новый подопечный ничуть не волновал их. Они давно привыкли к убийствам в этом городе. И, если учесть возраст города, не было разницы, когда умрет человек. Студент проснулся утром в камере, его отвели к следователю. -Как имя? -задал первый вопрос следователь. -Ганс Фишер, -безразлично ответил студент, глядя в угол, где мирно лежали совок и метелка. -Где родились? -Франкфурт. -Что же вас толкнуло на убийство? -Спросил следователь. -Не знаю, -ответил студент. -Можете идти, -сказал следователь и вызвал стражника. Затем аккуратно надписал на деле: «В суд». Студента отвели опять в камеру, окрашенную в неопределенный цвет, но отдающим запахом школьного класса. Студент лег на кровать, укрылся одеялом, в дверях, откуда смотрела пара глаз жандарма, были к этим глазам пририсованы голова и голое тело пышной женщины. Это могло немного развеселить узника. Но он не реагировал. Надзиратель докладывал начальнику тюрьмы о смирности новичка. Его кормили хорошо и даже надзиратель, огромный добряк, пытался разговаривать с ним. Заседание суда было назначено на четверг. По этому случаю были развешаны на театральных афишах приглашения, где, к удивлению, преступник был изображен огромным монстром в шляпе, в плаще, с маской на глазах и большим топором за пазухой. Люди молча вглядывались в эту афишу, открывали блокноты и сверялись: не заняты ли они в день представления. Директор театра, исхлопотавший разрешение перенести суд на сцену по причине денежных затруднений, надеялся привлечь таким способом внимание публики. Он даже собирался возвести эшафот, но переубедили, сказав, что сцена еще нужна для любви. Кровь и любовь в понимании публики малосовместимы. К студенту приехала сестра. Она была всего несколько минут. Они сидели с Гансом, смотря перед собой. А после она вышла. Ее спросили, что она думает о брате. Она сказала: ничего. Вечером в среду надзиратель принес воду и мыло. Ганс, раздевшись, молча и монотонно смывал грязь, а после оделся и лег. Надзиратель убрал в камере. Утром пятеро стражников зашли в камеру, надели студенту на голову мешок и повели. Утро было пасмурное. Тучи, несмотря на такую рань, неслись резво. Ганс шел медленно, и стражники то и дело подталкивали, старались придать процессии поспешность. Преодолев несколько переулков и улиц наконец они очутились перед зданием театра. Обычные для такого рода зданий могучие колонны с фронтоном, украшенным античными барельефами, представляли фасад театра. Уже собрались отдельные зеваки и приличные пары, которые прогуливались, проявляя для приличия безразличие к конвою. В восемь начался суд, своей поспешностью претендующий быстро закончиться. Заседатели-очень почтенные старые горожане, прокурор, облаченный в мантию да молодой адвокат. Студент признал в адвокате своего друга детства. Хотя адвокат выполнял в своей работе ту благотворительную часть, от которой он не получал денег, эта защита, в которую входила защита нищих, воров, проституток, иногда приносила удовольствие или просто служила для адвокатских экспериментов. Странное дело, молодой адвокат Гофман с болезненным лицом и высоким ростом не думал встретить своего друга здесь, на суде. И поэтому его лень и пренебрежительная свобода начали рассеиваться. Он думал, как построить свою защиту. По всем правилам искусства-нет. Это его не устраивало, он не знал ни одной основательной причины, от которой можно оттолкнуться. Защита обречена... Присяжный задал вопрос подсудимому: -Знали вы на что идете, когда убивали людей? -Да. -Что вас на это толкнуло? -Не знаю. -Знали ли вы этих людей? -Нет, -ответил подсудимый небрежно, его удивляло, что от него что-то хотят. -Знаете, недавно умер ваш брат. Вам, наверно, было тяжело это видеть? -Спросил присяжный. -Нет, -снова полное безразличие. -Что вы почувствовали, когда увидели его тело? -Не унимался присяжный. -Мне сказали, что он умер, я пошел и увидел его тело, потом вышел, вот и все, -отвечал студент. События мало волновали студента. Он был за стеклом, слова, сказанные судьей до него не доходили через маленькое окошко, которое он волен был закрыть. -У вас, прежде чем что-то сделать, должны быть мотивы, скажите о них, не морочьте людям головы, -сказал судья. -У меня нет

мотивов, -отвечал убийца, -убивал просто так. -Но почему ты не скажешь, что они тебе досаждали, -просили его. -Нет, они мне не досаждали, -отвечал студент. Присяжный объявил, что дает слово защите. Худой, с воспаленными глазами, длинный и слегка сгорбленный, с внешностью Совроноллы и оттого обладающий неким магическим влиянием на слушателя, с дрожащей кистью, возможно, похожий на нашего современника Гитлера, ведь дрожащая кисть в нашем понимании была верным признаком приближающегося поражения. А меж тем это было отличительным признаком экзальтированной натуры. Пройдясь немного перед присяжными, Гофман начал: -Дамы и господа, сегодня я защищаю человека, который совершил тяжкое преступление. Я долго думал, как защитить, и понял, что нет ему прощения, так позвольте мне впасть в меланхолию, отнять у вас кучу вашего драгоценного времени, чтоб объяснить свое понимание природы этого преступления. Пусть мое выступление будет длинным, но не надо пугаться, ведь мы-дети человечества, а не животных, нас увлекает любое познание, тем более познание в потемках души человека. Я постараюсь объяснить этого человека. Я знаю его детство. Но я ничуть не посягну на устройство человека, который стоит перед вами. Наше детство шло в одной из деревень. Деревня пастушья. Люди держали скот в общих загонах и пасли их за 3—4 мили от дома, на пастбищах. Жили во временных домиках, а вернее, в одной огромной хижине с бесчисленными комнатами. Лето в этой провинции отличалось исключительной жарой. Степь, где в древности жили мавры, была обширной. И эта обширность создавала в характере одиночество. Войны, требующие коллективизма, определяющие характер воюющего народа, ничего не могли поделать с одиночеством степняка. То, что нас разобщал свой единоличный скот, возможно, не самое главное. Палящее солнце, бескрайняя степь, чистая небесная синь с картинными облаками. Детские сказки о хитрых лисах, бесчисленные заброшенные кладбища, затерявшиеся в песках древние наконечники стрел. И то огромное время, предоставленное самому себе, разве оно не создает в человеке превосходство воображения над словом и делом. Бесчисленные войны, проносимые в мозгу этого мальчика. Когда он был ребенком, мать оставила его брата с отцом в деревне, а его волочила с собой или забрасывала, где заблагорассудится. Всем этим поселением командовал староста, отставной солдат, который требовал порядка. Он также умудрялся иногда таскать своего сына, а больше всего любил играть с детьми поселян, увлекая их за собой и делая подножки. Женщины, основная часть поселян, уважали его и чуть побаивались. Так же здесь жила многочисленная семья, мать в которой женщина маленькая, плотного сложения, большая любительница стряпни, не умеющая считать. Ее многочисленные дети, дочери и сыновья, обладали добротой-нередкой для крестьян-сопровождающейся желанием вступать в чужие дела. Жили тут и пастухи, временами падающие с лошадей и оттого калечащиеся, они жили без семьи, всегда с ружьем при себе. Они часто рассказывали о волках. К обеду в поселении стояла такая жара, что никого из поселян не бывало на улице, они или спали в жилище или были в степи. Мы с Гансом отправлялись бить мальков окуней на мелководье. Залезая по колено в чистейшую прозрачную воду, дно которой было устлано добрейшим ковром сохшейся тины, с многочисленными колючими водорослями, по виду напоминавшими корон, мы весело разглядывали пестрых с яркими плавниками рыбок. Нам доставляло огромное удовольствие, что этот хрустальный, крошечный, залитый счастливым солнцем мир рыбок, имел к нам отношение. Они теребили наши босые ноги, мы совали им крючки, иногда вылавливали пару из них, но покинувшие свой мир рыбки теряли привлекательность, они тускнели без солнца, воды. И тогда мы бросали их обратно. Нам хотелось самим окунуться, возможно, когда в юности я видел сны, ощущая себя под водой, мой мозг тайно реализовывал мечту детства. Потом мы в заброшенных пастушьих загонах, домах, с какой-то лихорадочностью искали древность в только что покинутом поколении. Какое-нибудь десятилетие отделяло нас от живущего полнокровной жизнью дома. Нас удивляло, что обувь они носили почти такую же, как и у нас. А после, смастерив стрелы, ходили по этой безжизненной степи. Хотя, почему безжизненной? Здесь была своя

жизнь, в этой жизни больше всего процветали медлительные муравьи, колючки с яркими красивыми цветами и змеи. Особенно змей было полно в древних кладбищах, где два столетия уже не хоронили, а камни сохранили первозданный облик, делая в детском сознании сплетение надгробий в красивый сказочный городок. Тогда мы не знали, что это кладбище людей и оттого заняты были убоем змей. Мы не видели тогда больших городов эти маленькие города, найденные нами среди песка, заменяли нам все познания. Мы, подобно герцогам, делили меж собой каменные скопления и приписывали их названия к своим именам. Был еще один товарищ в наших походах, правда ненадолго. Это был крупный рыжий мальчик лет десяти. Он отличался веселостью нрава, всегда смеялся, когда представлял нам свои затеи. Но вскоре он навсегда исчез из наших краев: отец зарубил его мать. Но все ж до сих пор вижу его скачущим. Он вписывался в мой детский ландшафт. Его волосы отдавали песком. Иногда мы ссорились с Гансом, и тогда наши матери нас оттаскивали и примирение казалось несбыточным. Но снова сходились, наше обоюдное одиночество не мешало индивидуальному одиночеству. Странно, как мы тосковали на восточном пределе поселения, глядя в даль, там не было видно ничего кроме песка. И все же мы видели свою мучительную жизнь, ожидавшую нас, нет мы не видели свою старость, мы тосковали о прожитой жизни, хоронили себя в этой дали. Нам казалось, что этой беспредельности достаточно заполнить нашу рассчитанную на большее жизнь. Он молчал, вперившись глазами, мне казалось, что иногда он думал не так, как я, но боялся спросить, нарушить личное одиночество. Тогда его «я» зарождалось, но и тогда оно страдало той наполненностью, от которой человек не ценит свою жизнь. Помню он кого-то спас, рискуя жизнью. Он закрыл мальчика своим телом и, прикрывая, прошел на головокружительной высоте пропасть. Вечерами пели лягушки, стрекотали кузнечики, мы катались по блестящему скошенному лугу. Трава, выгорая желтела и делалась скользкой как лед. Мы огибали единственный пруд, расположенный сзади поселения. В конце лета в том пруду расцвели цветы, похожие на зонтики, и еще мы находили дикий лук, чем и объедались до тошноты. Ганс мало говорил, мы больше смеялись, достаток не позволял иметь обувь, ко второй половине лета мы передвигались как канатоходцы, стараясь не наступить на колючки. Уважаемые дамы и господа. У нас было огромное детство, зрелости его я не помню. Если его «я» тогда было наполнено, может ли он ценить жизнь? Конечно, нет. Он умер тогда, когда спасал того ребенка. И что хорошего в том, что мы уьем его сейчас мертвого. Не лучше ли, если его тело послужит во благо людей. Я на этом все. Суд ушел на совещание. Через несколько минут он возобновил свое заседание. Приговор: пожизненное заключение на исправительных работах. Никто не заметил, как вышли черный господин с дамой в вуали. Они вышли последними из зала суда. На улице дул холодный ветер. Город жил, как работают старые куранты. Он имеет свой ритм, уходящий в тысячелетия. и никто его не менял.

Вина

(интерпретация пьесы Софокла «Царь Эдип»). Для начала этого я склонен думать, что произведение, несклонное хотя бы звучанию, все ж должно подчиниться одному из непреложных законов вечного искусства, его устремленности в начале пути. Когда-то на заре, когда обыденность пронизывала все сферы бытия и человек, склонный создать нечто изящное, вынужден был искать контраст между возвышенным, «тем, что он должен создать» и обыденностью. С течением времени эта граница истончилась, освоены многие поля, но вдохновенное ретро детства человеческой поэзии все ж сладостно мне как бальзам своей немного наивной, немного принужденной контрастностью. Скажем жил некто В.. Он шел своей дорогой, это был прекрасный молодой человек, этакое дитя пролетария и акула буржуазии. Сперва сын рабочих, вырастая становившийся октябреньком, пионером, а после и самым комсомольцем. С партией он не успел. Страна, склонная к изменчивости, сделало одно из больших своих изменений. Она стала демократической. Работая на одном из фабрик, В. скоро лишился работы в связи с банкротством предприятия. Но и это пошло ему на пользу. Он с легкостью освоил искусство спекуляции и преуспел в нем. Была прекрасная погода. Автобус мчался по дороге, о которой говорят, что она соответствует стандартам. Двигатели новенького автобуса надрывно гудели, им явно не хватало сил на то пространство, которое оно преодолевало. Вдоль дороги автобус разрезал прямоугольники деревьев. Он наезжал на черное тело асфальта. На западе светилась сфера, образованная заходящим солнцем. Вдруг в глубине тела машины что-то содрогнулось, оно взвыло, потом все затихло. В. вышел из автобуса и закурил. Два шофера лежали под автобусом. Кубическая толстота одного оттенялась сучковатой худобой другого. Машина застыла, застыли шоферы. Застыли и пассажиры, сплотившись в безликую массу. В. отошел к дереву, к нему из толпы отделилась еще одна точка. И все опять застыло. Над дорогой летел орел, его взгляд подобно конусу обхватывал землю. Он увидел автобус, сверил его съедобность. Его «я» сказало «нет», и он улетел. Точка приближалась, она выросла перед В в женщину средних лет. В. посмотрел на нее, это была красивая женщина, немного полноватая. В. отвернулся, он подумал «до чего хочется пить...», но «пить» не было, и он снова повернулся к женщине. Женщина попросила курить. В. дал ей. Она начала что-то говорить о своих делах, о торговле, о милиционерах. В. разглядывал ее и думал «она красива», только и всего. Потом шофера вылезли из-под машины. В. двинулся к толпе, слился с ней и оказался в автобусе. Машина ехала еще два часа. Остановилась, женщина слезла. В. посмотрел на хутор. Чуть поодаль стояли два симметрично расположенных дома, параллельные дороге. Остальные дома хутора были одноэтажными и разбросаны беспорядочно. Женщина пошла к одному из домов. Призма, светящаяся из-за внутреннего освещения, поглощала женщину. В. ощутил потребность остановить пространство и заставить течь время в этой точке. Он вышел из автобуса. Шофер вытащил его вещи. В. попросил его отнести вещи в дом. Шофер исчез. В. стоял у дома. Женщина вышла из дома, взяла вещи В. и унесла в дом. В. зашел в квартиру. В ней были три комнаты и кухня. Она проводила его на кухню. Спала дочь, и поэтому она включила торшер. Свет освещал стол. Женщина исчезла. В. стал разглядывать руку, она держала вилку и смотрела вверх, разглядывая «я» В., спрятанное в темноте. В. это надоело, и он закрыл ладони. Свет падал еще на край стены. И это было той точкой и центром сферы, которая везде, а окружность нигде. Появилась женщина, налила вино и пожарила котлеты. Она сказала, что живет одна, и если ему здесь нравится, может остаться сколько угодно. Муж ее наркоман, исчез лет 25 назад. Потом она отвела его в одну комнату и легла рядом с ним. Утром В встал поздно. Встал, оделся. Ему сказали, что здесь есть минеральный источник. Он целый день был занят тем, что направлял свои деньги к себе. Появились деньги, машины, люди. Вода пошла в бутылки и потекла в пространство. В. отдыхал. Он перевел крупную сумму домой, невесте, уже беременной от него. Он рвал с ней,

но не хотел оставить без средств. После всего, уставший, он возвращался домой. Из-за большого ряда кустарников, соединяющих два дома, вышел отвратительный бомж. От него пахло мочой, он смеялся и говорил с омерзительной хрипотой. Он сказал В., что пришел за ним и ударил клюкой. Сознание В. помутилось, он увидел свою невесту, она лежала мертвая. И какой-то отдаленный голос ему говорил, что виноват он. Он покинул невесту с ребенком, чтоб жениться на своей матери. «Что я мог поделать, я же не знал,» - отвечал В., но голос не унимался. «Если обещаешь, что бросишь свою мать и женишься на невесте, то останешься жить.» «Как я могу обещать? Если мне приятно сознавать, что я обрел мать, которую я никогда не имел, а всю жизнь мечтал. Пусть даже в качестве жены. Но нельзя ли остаться живым, ведь так же просто, если это в твоей власти.» «Нет, если ты делаешь выбор в одном, то отказываешься от другого.» Утром В. нашли мертвым в десяти шагах от дома. Через несколько дней женщина с дочерью узнала о смерти сына и его невесты. Неудавшиеся роды... Дочь поехала туда, где умерла невеста. Там она узнала, что сына ее отчима похоронили не на кладбище, а за сараем. Она ночью, вооружившись лопатой и фонарем, пошла выкапывать своего братца. Ее заметили братья невесты В., изнасиловали и, убив, зарыли рядом с ребенком.

Старик и собака

Стоял душный горячий зной. Дорога, притягивающая еще по привычке, напоминая собой существование более шумного скопища людей и их загадочного непонятного веселья в Селе, откуда появлялось фермерское начальство, сейчас пугала своим раскаленным изборожденным песком, вверх от которого во весь рост шестилетнего мальчугана воздух искажался, извивался, заставляя плавать единственное кирпичное здание-баню, оплот стабильности этого мира. Вправо дорога упиралась в небольшой поселок, левее же уходила в горизонт, весь утопающий в озерах, образованных знойным воздухом, а ухабы дороги были полны тех же самых несуществующих луж. Старик и старуха лежали в глинобитной побеленной квартире, наполовину проглоченной уже землей; сзади от квартиры громоздился бесконечно разросшийся сарай, полный скотины и птицы. Сам домик был прямым продолжением таких же глинобитных коровников с одним отличием: он служил жилищем для людей. Их маленький шестилетний сын, несмотря на все свое послушание, никак не мог спать с родителями и вскоре вышел на улицу. Его брат учился в большом Селе. Когда-то возили его туда и в памяти осталось много людей, больших домов и зелени, а брат там учился, и мальчик этим очень гордился перед единственным на ферме соседским мальчиком на год младшим его. Сейчас растопленное солнце, бросающее в уныние взрослых, ничуть не сказывалось на его энергии и настроении. Он со свойственным этому возрасту непоседливостью пошел искать себе занятие. Побродив немного он нашел кучу использованных или испорченных сроком годности ветеринарных медикаментов. Сопя начал открывать и нюхать флаконы и склянки, то разбивая их, то смешивая жидкости; найдя несколько шприцев, положил их в карман и взглянул на дорогу-по ней мчалась машина. Машина по-хозяйски раскачивалась на неровной дороге словно упитанный утенок, хлопая расшатавшимися бортами. Мальчик стоял и думал, что, если машина будет стоять долго, то можно будет сесть на подножку, а, может, даже на бампер и гладить фары-это редко ему удавалось: он не мог туда запрыгнуть и всегда просил кого-нибудь поднять. Дождавшись, когда машина приблизится, мальчик побежал на место обычной ее остановки: мазанки, служившей Красным уголком. Из кабины вылезал его брат, стаскивая оттуда собаку. Несмотря на маленькие размеры, собака была крепкой и довольно тяжелой. Брат, который был на два года старше мальчика, в конце концов свалился вместе с ней. Черная сверху, с большим, как веер, хвостом, с желтым низом и желтыми точками бровей, словно искусственная заводская игрушка, собака не имела ни одной несимметричной точки. При приближении к ней собака виляла хвостом, ласкалась к ногам, падала на землю, подставляя свой незащитный живот. Она не умела идти с ними, лишь заваливалась, тогда мальчик с братом взяли ее за лапы, приподняли и понесли к дому. Старик был недоволен собакой, она могла таскать кур или овец. Ему хотелось отделаться от нее, но слезы детей смирили с этим обстоятельством. В скором времени старик и собака стали неразлучными, дети стали подрастать, все более отдаляясь интересами от собаки. Людям казалось, что черты характера старика отдаются в лице его собаки. Когда старик курил, устав от работы, и отдыхал в тени, сев на старое толстое бревно, собака с каким-то вниманием и любовью смотрела на старика. А старик курил и сплевывал мелкими плевками, частыми и бесперебойными, словно автоматная очередь. В его взгляде было что-то отстраненное, но вместе с тем что-то связывало, это был молчаливый союз двух существ, представить одно без другого было невозможно. Некая гармония и целостность объединяли их. Человек жил всю жизнь вдали от городов, для него было чуждо содержание собаки в тепличных квартирных условиях. Его среда говорила, что собака ничтожна, что жизнь ее не стоит и ломаного гроша, ее можно побить, убить. Зная это и испытывая некоторое душевное неудобство, он мог давать мясо собаке, в то же время жуя другой кусок сам, это была совместная трапеза, где второй был необходим для первого. Шло время, дети росли. Брат мальчика поступил

в институт в другом городе, а сам мальчик кончал школу. Собака жила под лестницей. В один день она с трудом вылезла оттуда, уже больше никогда не зашла обратно. Старик, привязав к хвосту ее проволоку, взял в руку лопату и потащил ее. Пройдя метров пятьдесят, поволок собаку на дно траншеи и закопал. Принес из дому кружку муки и тридцать копеек. Рассыпал муку сверху небольшого холмика, бросил две монеты по пятнадцать копеек. И вернулся домой. Через три месяца старик умер. Он просил после смерти не вызывать с учебы старшего сына, боялся, что ему будет тяжело видеть мертвого отца и испугается. Старик сначала болел и его увезли в больницу. Мальчик на следующий день пошел копать червей. Идти пришлось недолго-пройдя два ерика, он дошел до большого котлована, оставшегося от высохшего ерика. Накопив банку, решил поискать еще какую-нибудь посудину под червей, их было много и ему хотелось набрать еще. Подъехала машина и ему сказали, что его отец умер. Мальчику хотелось покопать еще червей, но его повезли домой. Там дали работу: рубить дрова и таскать воду. Есть не давали-не до него было. К вечеру привезли тело отца из больницы, сняли стекла с окон, поставили полог, позвали муллу и близких родственников, соседей. Ночью сын спал недалеко от отца, ничуть не испытывая страха, ему казалось, что отец сейчас встанет и скажет, чтоб ему дали есть. К утру мальчику сказали идти таскать воду и рубить дрова. Потом он зашел домой, мужчины и мулла совершали церемонию, распевая что-то и вода синхронно головой. Потом один из них с чувством удовлетворения проговорил, что теперь-то никуда не денется он (покойник) и никогда не встанет. После обеда тело старика погрузили в машину, положив на середину кузова, по краям расселись мужчины и сыну сказали, чтоб ехал с ними. Машина тронулась. Мужчины начали смеяться, шутить, вспоминая веселые истории, ища среди друг друга козла отпущения. Один из них положил ноги на тело старика и под общий хохот сказал, что ему теперь все равно. Доехав до кладбища, мужчины вылезли из машины, расселись, достали закуску и несколько бутылок водки. Выпили, развеселились. Встали и взяли тело старика. Положили на дно ниши, прикрыли доской и зарыли, оставив холм. Подошел мулла, прочитал молитву. Кто-то раздал носовые платки с завернутыми в узелок рублями. После все разбрелись по кладбищу, ища могилы родственников. Мулла читал им молитвы для помина родственников. Мальчик остался один. Его душили из глубины прорывающиеся слезы. Он с трудом их сдерживал. Вытащил из кармана носовой платок, долго его мял, и слезы катились по щекам, развязал узелок, взял рубль. Он подумал, для чего это может служить... Вспомнил отца, хоронившего собаку, взял горсть земли, насыпал на носовой платок и им рассыпал землю на холмик могилы. Пустой платок бросил туда же, далее он добавил еще один рубль из своего кармана, и два бумажных рубля легли поверх могилы. Слезы перестали идти, ему стало легче. Он встал, подошел к машине. Люди уже сидели там, и он поехал домой. собака

Отвращение

Подобно всем тем маленьким торговцам, я был вынужден работать в городе. Вначале-это город, взорвавшийся в моем сознании чем-то огромным и вечно копошащимся. Потом он сник, я начал разбирать в нем тихие часы, когда толпа редела и значит обнажала ее границы. Тогда я стал обнаруживать в себе то умиление, которое так хотели навязать нам писатели-горожане, находящие в казенном муравейнике спокойствие и тихую тоску, словно созерцающие деревенский пейзаж. В моем сознании все ж оставалось место для здравого смысла, что в городе быть убитым бандитами более вероятно, чем в деревне. Но как справедливо стараются нам доказать китайцы, сознание умеет опустошаться и там, где оно битком забито. Вот так, сидя в трамвае, разглядывая окно, и находя удовольствие в медленном продвижении всего города перед собой, случайно обернулся. Сзади сидела девушка. Ее красота при всей ее совершенности, возможно, не была так уникальна, сотни красавиц мелькают между нами по улицам, ничуть не причиняя беспокойства. Но то ли ее неожиданная близость, то ли моя мимолетная расслабленность и размягченное душевное настроение, или просто случай, так или иначе они включили во мне такие сверхчувствительные, почти ясновидящие, механизмы, которые включаются у нормальных людей лишь раз в жизни-в порыве юношеской влюбленности. И как литератор, я не стал выключать их, мне захотелось понаблюдать течение этой субстанции, которая находится в неподвижном теле и называется движением духа. Сначала, как обычно, почти банально, конечности ее прекрасной природы, проецируясь на мою спину, жгли меня в нескольких точках, словно моя спина была негативом. После все это переливалось в некоторую перспективу возможности обладать ею, потом это с некоторым сомнением как-то оспаривалось «я», вторым сознанием, воспринимая это как рисунки ребенка. Но почти реальная раздвоенность себя мне нравилась, тот юноша, который мечтал во мне, совершенно не видел второго моего «я», его едва сдерживаемой иронии. Но все же, когда юноша вознамерился обладать ею, наблюдатель остановил кадр. Я обернулся. Стал вглядываться в тонкую прозрачную кожу, яркие алые губы, в ее блестящие живые глаза, которые, казалось, могли существовать без лица, в волосы блестящие, словно они были созданы вчера. Ее фигура отражала некоторую легкость, по-видимому она была воплощением французского отношения к красоте. Тонкие лодыжки, не очень мускулистые ноги... «Все же... все же... -рассуждал мой мозг, -если бы я хотел влюбиться или хотя бы не умел сдерживать чувства, по какому пути пошло бы все? Ах, да я решил ее обнять, прижаться губами к ее губам и даже обнажить... А здесь, мне кажется, что-то есть. Но что? Ах, боже, она могла принадлежать другому мужчине. Да она же и сама другой человек!» Почему-то вспомнилось грязное нижнее белье, лежащее на земле.«Что же тут такого? Ведь это же город, в нем люди загружают своими выделениями очистные сооружения. Почему только она? Ведь в деревне всякая девушка уходит корнями в древность, постепенно открывая многолюдность своих предков. Ах, эти предки, сколько же они изгадили! Где же мне обрести ту чистоту женщины, которая так крутится в моем юношеском сознании? Почему это отвращение и ужас, куда я ушел? Попробую вернуться, ведь я сделал это искусственно. Я вызвал в себе отвращение к женщине. Но почему, я же возвращаюсь обратно, где этот стык, через который я проник сюда? Почему я не вижу этой дороги, почему этот ужас все сильнее? Мой многоопытный, я же так тебе верил, почему ты, запустив меня сюда, не возвращаешь обратно? Этот ужас и отвращение сгущаются, я боюсь этих чужих и грязных людей! Почему мне страшно, может пойти выйти из города? Но почему кто-нибудь не тронет меня, ведь это же большой город, здесь должны быть бандиты. Мне нужна боль, чтоб вырваться. Венок... А почему венок? Здесь задавили девочку... Как ужасно: недавно родиться и быть задавленным... Как это страшно... Когда это было? Вчера... совсем недавно... Как хочется жить!«Эта смерть девочки сумела задеть мой инстинкт самосохранения, а надолго? Я боюсь смерти. Как приятно это ощущать.

Но с каждой смертью я чувствую отвращение к красоте, я понял ее зыбкость, красота-это начало смерти. Родившийся ребенок некрасив, но он не гадил, а после становился красивым и начинается ужас. Что мне остается: с утра до вечера сидеть в родильном доме или умереть, ощущая окружение чужими людьми? Где найти ту точку, где можно приблизиться к другому человеку, чтоб сделать его близким? Заставить застыть время или прыгать по бесчисленным точкам двух людей? Ужас.

Крот

Это было в жаркое лето восьмидесятого года. Наша танковая колонна вошла в проветренный Афганистан. Танки были свежепокрашены. Танкисты сидели в новеньких обмундированиях. Песок Кандагара еще не въелся в наши комбинезоны. Но чем дальше мы погружались вглубь страны, тем темнее, сумрачнее становилось вокруг нас. Мы не предавались унынию. Этот мрак, в который мы входили, вызывал в нас, молодых, некоторый протест. Мы весело шутили, мы смеялись, наша молодая жизненная сила старалась не замечать этот мрак. Верите, мы были искренни и не боялись, потому что стыдно бояться в восемнадцать лет. Мы были детьми могучей неповторимой цивилизации, теперь исчезнувшей навсегда. Наша броня лишь слегка покрылась пылью, когда мы подъехали к ущелью. Там была всего одна дорога. Она шла вдоль отвесной стены, а с другой стороны была река. Но река текла в ущелье километровой глубины. А скалы справа и слева уходили в небо. Наши танки ползли медленно. Вокруг становилось темнее. И вдруг такой ураган огня озарил ущелье. Новые комбинезоны моих товарищей, еще не испачканные маслом, напитались их кровью. Башни выпрыгивали из танков и падали в ущелье. В несколько секунд от танковой колонны остались лишь разбросанные в разных положениях корпуса. Танкисты погибли мирно, они не успели отстреляться. Мой танк стоял на предпоследней позиции. Отступить мы не могли-сзади стоял прижатый к стене подбитый танк. Дорога была узкой, столкнуть мы его не смогли. Но скоро мы поняли, что это ни к чему. По дороге спустился верблюд. Он крикнул, чтоб я следовал за ним. Его высокомерие меня смутило, я поплелся за ним. Меня уже начал пугать этот край, где все было чужим и опасным. На спине верблюда висел гранатомет. Он мог сжечь мой танк вместе со мной, но почему он этого не сделал, а ведет куда неизвестно? Подойдя к отвесной стене, он нажал на кнопку, стена раздвинулась. Там были вооруженные люди. Они повели меня вниз по лестнице. Лестница была скользкой, она опускалась по кругу в виде гигантской спирали. Вдоль стен были проделаны решетки, в них были видны комнаты, в которых пытали, обрезали языки, конечности, сажали в кандалы, жарили на костре. В некоторых комнатах лежали слитки золота и украшения, бриллианты. Лишь к вечеру я добрался до основания этой, возможно, бывшей алмазной трубки. Глубина ее была около двух-трех километров, диаметр в километр. На узкой площадке сидел гигантский крот. Он медленно говорил. Он говорил о лабиринте и об игре. Я могу играть, у меня есть танк. Танк-не дорогое имущество, но он может послужить лотерейным билетом. Он открывал пасть, как бы стараясь отрыгнуться, извлекая звуки. Скоро я перестал обращать внимание на его рот. -По условию игры ты-воин из соседней страны получаешь высшую привилегию: стать сказочно богатым, лишиться конечностей, умереть, быть подвергнутым пыткам. По условию игры у тебя нет выхода. Не играя, ты можешь только умереть, как проходимец. Кстати, это дань уважения к вашему народу. У нас этой чести удостоиваются только состоятельные. А ты можешь быть беден, но представитель высокой цивилизации имеет технику, которую мы ценим дороже золота. Значит, ты-игрок. Я сказал, подождите. Я очень бедный человек. У нас в стране нет богатых людей. Крот сказал, что этот вопрос спорный, но это к делу не относится. Крот вытащил огромными лапами из своей груди золотые часы. Он сказал, что у него мало времени. Я сказал, если это судопроизводство, то это должно занимать столько времени, сколько нужно для нахождения истины. Крот ответил, что это всего лишь игра, а в игре необходимо лишь соблюдение условия игры. Крот взял ворох листьев и сунул их в барабан и начал вращать его. Листья были разных деревьев. Каждый из них что-то означал, имел свой символ. Клен имел символ золота. Дуб отпускали с миром. А каждый остальной лист был наказанием. Вот один из листьев выпал мне. Это лист дуба. Я должен был идти. Крот пожалел меня. Он смотрел на меня с тоской. Я по его мнению невезуч. Ибо игра оставила меня в стороне, как последнего нищего. Меня вывели наверх и отпустили. Дома я получил медаль.

На страже

В. стоял на страже. Ходили люди. Среди них его знакомые. Каждый раз В. забывал о своих обязанностях: уходил с входной будки. Приходили начальники, и В. с трудом успевал выразить почтение. Потом В. подошел к своей машине. Заметив, что его не окликают, подумал, что на страже стоять не обязательно. Сел в кабину машины. Подошел злой младший чин. Он кричал на В..В. спросил, кто он такой. Ему сказали, старший служащий. В. не знал такого старшего служащего, должно быть, в его выходные назначили нового. Он спросил, есть ли старый служащий. Ему сказали, да. А нового назначили дополнительно. Он кричал, что возле машины открыт новый склад, и В. ему мешает. В конце концов, младший чин написал бумагу на В.,отправил в канцелярию. В. отвернул ему голову и поставил синяк под глазом. Его увезла скорая. Врач была женщина, она сказала, что пришьет голову, что нужна только кожа для замены кожи на синяке. Иначе все будет заметно. В. дал свою кожу. Она сказала В.,что знает его родственников, что они-очень почтенные люди. Что и он, В.,очень достойный человек, и ее долг помочь ему. В. вышел на улицу. Через некоторое время врач вернула голову младшего чина и сказала, что она мертвая, а пришила другую. В. сказал, что ему будет, она сказала, ничего. Младший чин вышел и злой ушел. Голова была вся та же, синяк прошел. В. сидел в приемной, там сидел начальник канцелярии, очень молодой. Он говорил своим соседям, пришедшим к зубному врачу и стоявшим в очереди, что сейчас в канцелярии очень много работы. И он торчит тут на выходные, что раньше в здании больницы была его канцелярия, и он там был всего лишь старшим служащим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.